

Ольга Постнова

*Проклятие
дьяка
Лютото*

Ольга Постнова

Проклятие дьяка Лютого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19147485

ISBN 9785447493455

Аннотация

Кто бы мог подумать, что у прошлого настолько длинные тени! Зло, оставшееся безнаказанным в позапрошлом веке, стремится повторить себя в сегодняшнем дне, пугая странными и трагическими событиями скромных обывателей провинциального городка. А всё начиналось обыкновенно...

Содержание

Линочка и спящий красавец	5
В малых полончаках	68
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Проклятие дьяка Лютого

Ольга Постнова

© Ольга Постнова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Линочка и спящий красавец

*Когда из прошлого приходят тени,
Они пусты, как тысячи зеркал
И сотни искаженных отражений,
Придут сегодня к нам, на карнавал.
Они шагнут из Прошлого победно,
Не подчиняясь вздохам и словам,
Не тает прошлое бесследно,
Оно идет за нами по пятам.
Оно шагнет сквозь серые туманы,
Соединив обрывки жизни в нить,
Оно придет! Незаданным! Незванным!
К тому, кто захотел его забыть.
Э. Соколова «Из дневника»*

Жить мечтами о будущем, не замечая настоящего и не желая помнить прошлое – все равно, что строить дом, начиная с крыши. Понять это способны многие из числа мечтателей, принять – далеко не каждый. Иногда вчерашний день бывает неисправимо испорчен поступками и словами, воспоминания о которых заставляют краснеть, испытывать стыд, жалость, обиду – и хочется поскорее спрятаться за разноцветье мыслей о завтрашнем счастье. Наверное практичнее сосредоточиться на своем настоящем, но, подобное сосредоточение требует или жизненного опыта, или врожденной мудрости. Если же нет ни того, ни другого, вам двадцать пять, вы

работаете оператором связи на почте, у вас маленькая зарплата, на календаре последние дни августа, за окном отвратительная погода и у вас намечается свадьба – придется начать возведение дома именно с крыши. Говорят, у некоторых получается на зависть удачно. Правда, забывают упомянуть, что фундамент заложил дед, а стены возвели родители.

Приблизительно так размышляла Линочка, покидая душевное здание почты. Было около семи часов вечера. Обещанный синоптиками кратковременный дождь, зарядил с утра, благополучно миновал полуденный рубеж, смело перешел границу дня и, судя по затянутому тучами небу, намеревался перекочевать в ночь. Правильно говорят: «нет ничего более постоянного, чем временное».

Лина с тоской посмотрела в сторону автобусной остановки. Пусто. Её автобус уже ушел. Ну почему так получается? Почему ей всегда приходится то ждать, то догонять? А самое скверное, что подобная ситуация касается не только городского транспорта, но и всего в жизни: либо она пробегает мимо чего-то важного, либо это важное проносится мимо нее.

Поездки на маршрутках и такси казались неоправданно дорогими: Усово – городок маленький, да и доходы Линочки не располагали к расточительству.

Убедив себя в пользе прогулок, особенно пеших и под дождем, она свернула на тропинку, ведущую к старому, заброшенному, заросшему диким кустарником парку.

Поскорее бы оказаться дома, включить телевизор и, забравшись на диван, помечтать о скором семейном счастье. Грезы о свадьбе, марше Мендельсона, белом платье и других милых прелестях быстро вытеснялись мыслями о собственном хозяйстве и налаженном быте, где не останется места для протекающих кранов, скрипящих половиц и сорвавшихся со стены полков — всех отвратительно-мелких проблем, способных серьезно измотать нервы, а в дальнейшем испортить жизнь одинокой женщины.

Правда, с некоторых пор, в душе Лины поселилось маленькое сомнение, а в мире фантазий о счастье неожиданно и ненужно вкрался таинственный незнакомец.

Если откровенно: решение идти через парк, было связано именно с загадкой личности незнакомца. Линочке хотелось найти разгадку или еще раз увидеть его.

То, что мужчины агрессивны, нечистоплотны и крайне опасны, она знала с детства. Этой премудрости научили ее тетушки-опекунши, пичкающие сиротку Лину уроками благонавия ежедневно, а по возможности, и ежечасно.

Элеонора оказалась толковой ученицей. Даже сейчас, когда все нравоучительные речи утратили значение, а самой Линочке минуло четверть века, она старалась не смотреть на прохожих мужчин, опасаясь заметить на лицах улыбку, которая, по словам тетушек, на самом деле является замаскированным оскалом хищника.

Линочка не сторонилась противоположного пола,

но в присутствии кавалеров чувствовала себя неуверенно, дичилась, говорила глупости или молчала, поджав губы. Все знакомства, поначалу казавшиеся крепкими, заканчивались взаимным разочарованием. Год назад она стала подумывать о монашеской жизни, раскаиваясь в том, что столь легкомысленно отреклась от тетушек, и ушла, хлопнув на прощание дверью. Самостоятельная взрослая жизнь не принесла ничего, кроме одиночества. Но однажды судьба решила улыбнуться и подарила встречу с Кондратом Ивановичем.

Он замечательный: серьезный, вдумчивый, взрослый и, главное, надежный, но, все же иногда сжимала сердце тоска, и хотелось прижаться к теплему плечу тетушки Марты, укутаться клетчатым пледом и, наслаждаясь сладкими пирогами, спокойно выслушивать ворчливые наставления тетки Мартины.

Своих детей у опекуниш не было, как не было и единого мнения в вопросах воспитания племянницы: то, что разрешала одна, тут же запрещала другая.

Линочка одинаково любила обеих тетушек, но однажды ей удалось убедить себя в обратном, обидеть их, обидеться самой и уйти.

Прохладно. Ну и лето выдалось! А в маленькой кухоньке тетушек, наверняка, по-прежнему, вкусно пахнет чаем, ванилью, корицей и тихим счастьем. На широком подоконнике, между горшками с геранью, стоит проигрыватель для грампластинок, ревностно охраняемый Мартиной. Пом-

ниться, по вечерам, когда семейство собиралось за столом, тетушка Марта выключала свет, оставляя зажженным лишь тусклый настенный светильник, а тетка Мартина доставала хрупкий раритет, и каждый раз с величайшей осторожностью, сдувала с пластинки несуществующую пыль.

«Я маленькая балерина,
Всегда нема, всегда нема.
И скажет больше пантомима,
Чем я сама»¹

Эти вечера, самые счастливые в жизни Линочки, стали невыносимыми воспоминаниями. Ужасно глупо хлопать дверью и сжигать мосты: торжество от содеянного быстро проходит, а сожаление остается надолго. С тех пор, словно в наказание, Линочка ни разу не видела теток, хотя масштаб городка просто диктовал условия для частных встреч.

Иногда так хотелось повернуть время вспять, или хотя бы повернуться самой, побежать в обратную сторону, к дому теток, но возвратных дорог не существует.

Парковая тропинка совсем размыта, и ноги соскальзывают в мокрую траву. Нет смысла разглядывать прошлое. Куда интереснее думать о незнакомце, который уже неделю ходит за ней по пятам, не делая попыток приблизиться, поравняться или обогнать. Станный субъект. Как только Линочка оглядывается, робкий сопровождающий или отворачивается, или опускает голову. Маньяк? Смешно. Маньяков в ма-

¹ А. Вертинский. «Маленькая балерина»

леньком провинциальном городке никогда не водилось. Конечно, это нельзя воспринимать как гарантию благополучия, и все же в появление подобных страшилок верилось с трудом.

Тайный воздыхатель? Приятная мысль, но совершенно неправдоподобная. Линочка не обманывала себя: не настолько уж она хороша. Невысокая, хрупкая, с серыми невыразительными глазами, собранными в хвост волосами мышиного цвета, неровно выстриженной челочкой и бледным незапоминающимся личиком – совсем не похожа на роковую женщину, взглянув на которую, мужчины теряют голову и совершают нелепые поступки. Удивительно, что нашел в ней Кондрат Иванович, кроме уже готовой отцвести молодости?

Задай Лина этот вопрос тетушкам, она получила бы моментальный ответ от Марты, а секундой позже – от Мартины. «Что нашел? Скромность, разумеется».

«Отсутствие силы, воли и запросов».

В любом случае, Линочка отнеслась бы к словам незамужних родственниц внимательно, но с долей высокомерия, свойственного семейным, или почти семейным, женщинам. Даже сейчас, будучи просто невестой, она ощущала себя значимее и выше своих одиноких, некогда поучавших ее жизни, теток. Пусть жених не слишком молод, и не сказать, что красив, но его присутствие означает определенность жизни: все идет правильно.

– Кондрат, – произнесла вслух Лина и улыбнулась. В первое время знакомства, имя казалось странным, немного смешным.

А если судьба обманула? Ужасная мысль! Не стоит думать о плохом, если ничего не мешает мечтать о хорошем. И все-таки, зачем он так настойчиво втолковывал о проклятии какого-то дьяка Лютого?

Чуть больше недели назад, Лину откровенно умиляли наивность жениха и детская вера в чертовщинку. Но с некоторых пор умиление сменилось скрытым раздражением. Шутка явно затянулась, и переросла в некое подобие игры, правил которых Лина не понимала и не желала понимать. Да еще неизвестно откуда взявшийся незнакомец! Провалился он совсем!

Впрочем, на незнакомца вряд ли стоит обращать много внимания. Подумаешь, решил человек сократить путь и пройти не по центральной дороге, а через затененный сумраком парк – у каждого свои причуды. Лина позволяет себе подобное довольно часто, даже зимой, когда парк заметен снегом, темен и нелюдим. Ничего особенного. Одно плохо: загадочная личность вторглась в размышления, путая планы, внося в душу хаос и перекрашивая в другой цвет картинки будущего. Мысли о нем были подобны сахарной вате: вредно, но приятно.

Высокий, смуглый от природы, красивый, лощеный – возмутитель покоя и мечта фотографов, работающих для дам-

ских журналов. Подобные типажи в повседневной жизни маленького провинциального городка встречаются редко: Усово не Голливуд.

А этим утром он явился на Центральную почту. Легкий румянец заиграл на щеках Линочки, сделав личико свежее и милее.

Тут же вспомнились наставления тетки Мартины по поводу мужчин: «Необходимо понимать: красивый мужчина – результат межвидового скрещивания неандертальца и саблезубого тигра». Тетушка Марта немного смягчала высказывание сестры: «Красивые мужчины требуют слишком много внимания».

Этот красавец внимания не требовал, он его перетягивал на себя, вызывая в воображении странные образы и сравнения. Кто он? Принц, разлученный со сказкой? Демон, заблудившийся среди людей? Герой? Злодей?

Незнакомец купил десяток конвертов для писем, не обращая внимания на смущенно улыбающуюся Лину, сел за стол у окна, достал из кожаного кейса жестяную коробку, положил ее перед собой и задумался. Линочке показалось, что он уснул. Очнувшись от задумчивости, красавец принялся с азартом подписывать конверты. Он был похож на поэта, внезапно охваченного ураганом вдохновения.

Закончив работу, он разложил конверты веером и закрыл глаза. Так он просидел минут десять. Очнувшись, осторожно раскрыл коробку и аккуратно извлек несколько листов бума-

ги довольно неопрятного вида. Вложив их в один из конвертов, красавец, в очередной раз погрузился в состояние дремы.

У Линочки не было времени наблюдать за странным посетителем: служащих на почте не хватало, и работать приходилось за двоих, она принимала и выдавала заказные письма, бегая от стойки рабочего стола до стеллажей, заставленных коробами и обратно. Но случались редкие моменты, когда ей удавалось бросить взгляд на принца-демона.

Вот он вострепнулся, повертел в руках конверт, достал недавно вложенное письмо и снова замер. Когда Линочка посмотрела в следующий раз, то застала принца за довольно странным занятием: он тщательно зачеркивал адрес на одном из десяти конвертов. Второй, третий, четвертый... Ожесточенное глумление продолжалось до тех пор, пока на столе не остался один единственный конверт. Он-то, в конце концов, и удостоился чести попасть в почтовый ящик. Девять отбракованных, с перечеркнутыми адресами, посетитель разорвал в мелкие клочья, смял и положил... в карман. За все это время он лишь раз взглянул в сторону Лины. Посмотрел прямо, открыто, но без выражения: так смотрят на стену в минуты задумчивости.

Весь остаток рабочего дня Лина безуспешно пыталась изгнать мысли о красавце, с назойливо запоминающимися и неожиданно синими глазами. А ведь Кондрат предупреждал о проклятии! А чем еще можно вызвать совершенно

неоправданное томление души по первому встречному, если у тебя уже есть жених, и ты в скором времени собираешься за него замуж?

А что сказали бы тетушки? Ничего. И правильно! Подобная распущенность мыслей до добра не доводит. Подумаешь, пару раз тихо следовал по пятам. Необходимо учиться сдерживать воображение. Всему – свое время! Пора распрощаться с надуманной романтикой.

«На триста лет мы с вами опоздали,
И сказок больше нет на этом скучном свете».²

Лина оглянулась, но за серой шторой дождя не смогла разглядеть незнакомца. Неужели решил оставить ее в покое? Глупости! Просто он завершил дела, отправил отчет и она, Линочка, здесь вовсе ни при чем. Забыть и не вспоминать! Реальность всегда одерживает верх над фантазиями. Что у нас в реальности? Дождь? Прекрасно остужает.

Лина гордо вскинула голову и едва не упала, ступив на осклизлую глину. Совсем некстати тропинку у выхода из парка преградил большой автомобиль серебристо-серого цвета. Возмутительно! Теперь ей придется обходить автомонстра по краю канавы, рискуя в нее свалиться.

Лина огляделась, рассчитывая на нечаянную поддержку хотя бы того же сумасшедшего синеокого незнакомца. Как

² А. Вертинский. «Джимми-пират».

назло, его не было. Конечно, тетушка Марта всегда говорила, что одни мужчины похожи на сахар, другие на соль, а тетка Мартина всегда добавляла: «Заканчивается в самый неподходящий момент».

Водитель автомобиля сидел, уронив голову на руль. Через приоткрытую дверцу слышалось тяжелое сопение на вдохе и храп на выдохе. Линочка кашлянула, желая привлечь внимание, затем тихо постучала – никакой реакции.

– Эй, – Элеонора осторожно открыла дверцу и легко прикоснулась к плечу мужчины. – Эй, не могли бы вы убрать автомобиль с пешеходной дорожки? Простите за вынужденное беспокойство, но... – Лина замерла на секунду, стараясь успокоить внезапно охватившую ее дрожь.

– Вы? – вопрос прозвучал нелепо, а следующий ненужно: – С вами все в порядке?

Водитель в ответ странно захрипел и, точно марионетка, которую неожиданно дернули за невидимые нити, откинулся на сиденье. Губы мужчины чуть приоткрылись, изо рта по подбородку стекла тонкая струйка крови, расплывшаяся пятном на белоснежном воротнике. Он судорожно дернулся и запрокинул голову. Только сейчас Лина заметила: из шеи незнакомца торчала длинная перламутровая заноза.

– Эй! Что с вами? Господи! Что делать? Помогите! Помогите! – голосок Элеоноры, и без того негромкий, от волнения окончательно сел. – Помогите мне помочь вам!

Мужчина открыл глаза. В его взгляде, равнодушно угаса-

ющем, промелькнул огонек сознания, губы зашевелились.

– Кондрат... Икона... Убийца... Дворецкий. – Красавец глубоко вздохнул и умолк. Черты его лица разгладились.

Линочка нашла в себе силы достать из сумочки сотовый телефон, вызвать неотложку, полицию и невнятно, эмоционально изложить суть дела. После чего она села на мокрую траву и заплакала. До чего же не везет! Некрасивая, тщедушная, бедненькая, глупенькая, рано оставшаяся без родителей, покинувшая тетюшек, стареющая, – да, двадцать пять – сумерки юности! – одинокая, с потеками туши на щеках, вымокшая под дождем и с мертвой мечтой на нереальную любовь. Обидно: одним достается всё, а у других отнимают даже мечты.

«Скорая» примчалась через пять минут, за ней – полиция. Линочке задавали вопросы, она ничего не понимала, отвечала сбивчиво, иногда замолкала и снова принималась плакать. Она и сама не смогла бы с уверенностью сказать, что именно пугало больше: смерть загадочного красавца или слова, произнесенные им за несколько мгновений до последнего вздоха. Но, когда в предсмертном бреду, он назвал имя Кондрата, у Лины потемнело в глазах.

Она хотела узнать тайну незнакомца – получила ответ. Зловещим вестником несчастной судьбы – вот кем на самом деле оказался принц-демон.

По делу следствия Элеонора Соколова значилась случайным свидетелем. Она не утаивала информацию, просто не говорила того, о чем не спрашивали. Лина, не отдавая себе в том отчета, ничего не сообщила следователю ни о Кондрате, ни о последних словах умирающего.

Следователь, поначалу вцепившийся в Лину, словно черт в грешную душу, до обидного быстро утратил к ней интерес, и даже похвалил за гражданскую сознательность и оперативность вызова полиции. Ему – он сам признался – все стало понятно с первой минуты.

Сергей Рубцов – так звали синеглазого красавца – покончил жизнь самоубийством.

– Да, печальная история – сказал следователь. – В его возрасте забавляться со стилетом, вонзая его себе в шею – дело сомнительное, посему, определение «самоубийство по неосторожности» здесь совершенно неуместно. Мне все ясно. Так и запишем: «неустановленные причины личного характера». Конечно, ужасно неудобный способ свести счеты с жизнью, но, поверьте мне, суицидники удивительно изобретательны.

– А, может... – только и успела произнести Линочка.

Следователь вытаращил глаза и запротестовал:

– Нет, нет и нет! Убийство? Не смешите. Что вы можете знать об убийствах? Если, конечно, не вы его убили? Вы же его не убивали? Конечно, нет. Ни отпечатков, ни следов там, где они должны быть – вы просто оказались в ненужном ме-

сте, в ненужный час. А что касается вашего предположения – выбросьте глупости из головы. Насмотрелись фильмов, думаете, нам здесь делать больше нечего, как проверять достоверность ваших домыслов? Самоубийцы очень изобретательны. Мне-то можно верить. Хочу быть откровенным, вот, помнится случай...

Следователь Бобров, молодой и словоохотливый человек, почти убедил свидетельницу в правоте своих слов. У нее сложилось странное впечатление о Боброве: живость в разговоре и налет ребячества резко контрастировали с медлительностью жестов и вдумчивым до печали взглядом. А чего стоит фраза: «Хочу быть откровенным»? Бобров произнес ее с выражением, которое делает непонятную информацию запоминаемой. Подобную интонацию Лине приходилось слышать в детстве от тетки Мартины: «Заруби на носу: излишняя откровенность – одна из разновидностей лжи».

Самоубийство. Слово скатывалось с языка, оставляя неприятное ощущение сухости на губах. Как выяснилось, бедолаге было всего сорок два года. Красивый, здоровый, благополучный, респектабельный, не имеющий причин для обиды на жизнь, придумал прыгнуть вникуда.

Конечно, молодость, здоровье, силы и материальная обеспеченность сами по себе еще не гарантируют долгую жизнь. И все же, имея хоть что-то из перечисленного, можно позволить себе заманчивую роскошь – попытаться изменить судьбу. Существует и другая крайность: всем обеспеченный че-

ловек находит удовольствие в том, что с завидным постоянством оттачивает свою способность быть несчастным и, в конце концов, доводит себя до нервного истощения. Такое возможно, если одиночество, в конце концов, одерживает верх над всеми удачами и победами.

Рубцов не успел или не пожелал обзавестись семьей, а в Линочкином понимании это означало глобальное душевное одиночество, способное довести до отчаяния. Ей нравилось думать о своем таинственном незнакомце, как о человеке, попавшем в капкан жизненной пустоты. Она придумала несколько драматических сюжетов, где сама выступала то в роли отчаянной героини-спасительницы, то в роли печальной сострадательницы, а чаще всего – многомудрой утешительницы. Сюжеты развивались, углублялись, наполнялись диалогами, но никогда не имели четкого завершения.

Размышляя и фантазируя, Линочка переносилась в сказочный мир, страшный и манящий; мир, в котором Рубцов чудесным образом оставался жив. Он – заколдованный злыми чарами принц, спящий красавец, разбуженный... А вот дальше фантазии Линочки заходили в тупик здравого рассудка.

Однако фантазии не были совсем уж бестолковым способом убить время. Каждый новый сюжет сказки, связывающий живое и мертвое, заставлял ее возвращаться к началу, то есть, к реальности. Неожиданно в памяти Лины стали всплывать детали, которые раньше ускользали от внима-

ния: беспорядок в машине, вывернутые карманы пиджака – они составляли резкий контраст с внешним лоском Рубцова и порождали смутную тревогу. Вспомнились и другие подробности: маленький круглый значок с золотой надписью «ДСХ» на черном фоне закрепленный на лацкане и перстень-печать с гравировкой «РС» на указательном пальце.

Реальная жизнь, как и сказка, тоже складывалась неудачно. Свадьбу пришлось отложить. Так решил Кондрат Иванович. Линочка согласилась. Да, тетки не зря твердили: неприятности и мужчины ходят за руку.

Кстати, тетушки, как и спящий красавец, составляли неотъемлемую часть сюжета Линочкиных фантазий: родственницы удостоились роли рассказчиц, на которых можно успешно списать все угловатости и шероховатости новоиспеченных чудесных историй.

Когда Лина «выныривала» из созданного мира, она принималась жадно глотать воздух, точно рыба, выброшенная на берег. Все чаще ей приходилось вспоминать слова, сказанные перед тем, как хлопнуть дверью и уйти от теток.

«Кого способны воспитать две старые девы? Только еще одну, третью, старую деву себе в компанию».

В общем-то, мысль правильная, но теперь Лина понимала: даже самые правильные мысли не всегда стоит озвучивать. Все чаще она застывала перед фотографией, при-

шпиленной канцелярскими кнопками к стене. Снимок – одна из тех немногих вещей, которые Лина забрала с собой из дома тетушек. Семь лет она проходила мимо фотографии, и лишь недавно заметила нечто странное, долгое время ускользавшее от внимания. Что такое? Как будто ничего не изменилось, но Лина абсолютно отчетливо ощущала движение. Не на снимке, конечно, а в своей душе. Самая обычная фотографическая картинка: худенькая девочка, Линочка, в нарядном платье, сидит в несуразно большом кресле рядом с тетушкой Мартой, круглолицей и очень хорошенькой. Мартины на снимке нет: старшая тетка не переносила фотокамер.

В то время Линочке шел одиннадцатый год. Она осиротела, переехала к теткам и готовилась переходить в другую школу, ту, что поближе к дому. Красивое платье, заколка-бабочка, грустный взгляд, уныло опущенные уголки губ – все знакомо, да что-то не так.

Первый год жизни у теток казался Линочке почти чудом. Она без труда нашла подходящие сказочные маски. Марта стала Гердой, повзрослевшей и расставшейся с Каем навсегда. Кстати, почему? И кто такой Кай? Ах, да! Забавно. У реального Кая другое имя, и работал реальный Кай на местном хлебозаводе. Он довольно часто появлялся в квартире, приносил пакетики, пахнущие ванилью, корицей и чем-то еще, что Марта, то есть, Герда, добавляла к своей выпечке. Постепенно визиты гостя стали редким явлением и, в кон-

це концов, прекратились вовсе. Каю не нравилась Линочка, он не хотел делить с ней внимание Герды. А что же Герда? Осталась одна дожидаться момента, когда выросшая Линочка отблагодарит за самоотречение и заботу: «Кого способны воспитать старые девы?»

Окажись на месте Марты Мартина – все пошло бы по-другому. Снежная Королева умела отвечать строптивце по-королевски – остужающей мысли затрещиной. Линочке частенько доставалось от Королевы, но воспитанница любила строгую тетку за то, что она не предпринимала попыток заменить мать и не досаждала излишней чувствительностью, как иной раз делала Марта.

Сколько им было лет, когда они решили взвалить на свои плечи заботу о племяннице? От неожиданно открывшейся истины Лина впала в оцепенение и минуты две шевелила губами, не находя силы поверить цифрам.

Так вот, что скрывала фотография на стене! Вот, мимо чего можно пройти и не заметить. Им было столько же, сколько Лине сейчас. Получается: тетушки старше ее всего лишь на пятнадцать лет; на год обогнали Кондрата и на два отстали от Рубцова.

Странно, но простенькие математические расчеты произвели на Линочку столь сильное впечатление, что все фантазии о спящем красавце окончательно зашли в тупик. Принц мертв, и, возможно, убит. Не зря же следователь Бобров, хитро прищурившись, поведал историю изобретательного само-

убийцы... с двумя огнестрелами в голову.

Рано или поздно в жизни каждого человека наступает День Больших Перемен. Начинается он с разбитой чашки, бутерброда, упавшего маслом вниз, неожиданно перегоревшей лампочки и ключей, завалившихся в узкую щель между тумбочкой и стеной. Все это следует одно за другим и выводит из равновесия. Но, если бы всё заканчивалось только мелкими неприятностями! Так нет же: за мелочью следует середнячок. Вы смотрите на часы, обнаруживаете неподвижные стрелки, паникуете, хватаете с вешалки куртку, нервно обуваетесь и обнаруживаете – на сапоге сломана «молния». После секундного ступора, приходите в себя, рывком открываете дверцу стенного шкафа, где, вроде бы, должна находиться другая пара сапог; сверху на вас падают вещи из категории «пусть пока полежат, выкинуть успею». В результате вы опаздываете на работу, получаете нагоняй от начальства, выслушиваете недовольное фырканье коллег, а к вечеру, когда уже можно вздохнуть свободно, рассчитывая на завершение неприятностей, раздается звонок сотового телефона и вы, еще до начала разговора, совершенно точно знаете: все, что было до этого звонка – пустяки.

– Приду в семь, – коротко сообщил Кондрат и отключил трубку.

Значит, дела, назначенные на вечер, придется отложить?

Ничего особенного, но за день случилось столько особенных ничегошек, что очередная из них едва не довела Линочку до слёз. А Мартина предупреждала: «Дурак считает деньги, умный – время. Неважно, который из них окажется рядом с тобой: ни с твоими деньгами, ни с твоим временем считаться все равно не будут».

Еще одним подтверждением слов Мартины неожиданно оказался следователь Бобров. С ним Лина столкнулась нос к носу в дверях здания почты.

– А я вас жду, – заявил Егор Константинович. – Ваш автобус убыл минуту назад, и возвратиться минут через сорок. У нас вагон свободного времени.

– У нас? – переспросила Лина, старательно сдерживая накопившееся раздражение. – Лично я всегда чего-нибудь не успеваю, да и у вас, мне кажется, нет никакого вагона.

– Я очень организованный, – скромно ответил Бобров. – Так вы не будете против, если я вас провожу?

– Зачем? Дело же закрыто? Или открылись новые обстоятельства?... или, как там у вас говорится?

Егор Константинович рассмеялся.

– С чего мне начать?

Вместо ответа Лина пожала плечами. Смех следователя показался неуместным.

– Дело закрыто, – подтвердил следователь. – Для меня ничего нового нет. А вот вопрос «зачем?», пожалуй, останется без ответа.

– Почему? – Линочка вскинула руку и взглянула на часы. Она вознамерилась ускорить шаг, но Бобров, как назло, остановился, и принялся сосредоточенно вчитываться в объявления, расклеенные на фонарном столбе. Изучив содержание нехитрых сообщений, следователь достал из кармана ручку, зачеркнул точку после слова «Объявление» на одном из них и дописал пропущенную каким-то торопыгой букву «л».

– Вот теперь все очень аккуратно, – сказал он и, улыбнувшись, посмотрел на Линочку. – Знаете, я всегда ужасно огорчаюсь, если замечаю очевидные ошибки – синдром зануды. Еще вопросы?

– Нет, нет, – ответила Лина. – Простите, меня ждут.

Бобров тяжело вздохнул.

– Все куда-то торопятся, бегут, хватаются за десятки дел и наивно надеются догнать уходящее время или заслужить его расположение суетой. Времени нет до нас никакого дела и...

– Егор Константинович, я опаздываю на свидание.

– Это многое меняет, – согласился Бобров и прибавил шаг, но через минуту вновь остановился, задумчиво уставившись вдаль. – По-моему, женщине полагается опаздывать на свидание. Нет? Если это судьба, то от нее не сбежать, а, если случайность, то, возможно, опоздание станет спасением. Торопиться не имеет смысла. Помню случай, произошедший с одним моим знакомым по прозвищу Шустрый.

Линочка нетерпеливо кашлянула.

– Да, да, вы спешите, знаю. Шустрый тоже всегда суетился.

– Боже, – не выдержала Лина. – Я вас поняла: если бы он не суетился, то у него все бы закончилось хорошо, но я...

– Нет, – обрадовался Бобров. – Шустрый решил бросить курить.

– Я рада за него.

– Напрасно. Мой знакомый попал под машину именно потому, что однажды не задержался у табачного киоска, как делал это каждое утро. Ступи он на дорогу минутой позже...

– Я поняла, поняла, – Лина нервно теребила часики на запястье. – Всего минута, и он пережил бы Мафусаила.

– Ничего вы не поняли, – нахмурился следователь. – Долгая жизнь Шустрому не светила никак и нигде. Он в очередной раз оказался под следствием и назвал имена сотоварищей, чем сильно их огорчил. Доживи он до суда, – а это едва ли, – ему уже уготовили не самый теплый прием в местах, удаленных от курортных зон. И еще: при вскрытии патологоанатом обнаружил у Шустрого рак легких. Судьба – это то, чего мы не можем изменить, то, чему изменять бесполезно. Вы думаете, Кондрат Иванович Икона – ваша судьба? Отлично! Тогда он никуда от вас не денется при любых обстоятельствах.

Лина смотрела на Боброва широко распахнутыми глазами.

– Егор Константинович, я вам не говорила о Кондрате.

Откуда вы о нем знаете? Причем здесь мой жених? Какое он имеет отношение к самоубийству Рубцова?

– Смерть Рубцова произошла в результате повреждения сонной артерии. Рана была нанесена старинным стилетом и...

– Я знаю.

– И, – невозмутимо продолжил следователь, – на рукоятке стилета обнаружены отпечатки пальцев самого Рубцова, а еще отпечатки Андрея, племянника Кондрата Иконы.

Линочка почувствовала головокружение и, чтобы не упасть, ухватилась за плечо Боброва.

– Простите.

– Ничего, ничего. Вы знакомы с племянником вашего жениха?

– Кондрат рассказывал о нем, но до личного знакомства дело не дошло. Я понимаю: выглядит это довольно странно, но Андрик ребенок и мне думается...

– Конечно, – уныло согласился Егор Константинович, – всего лишь ребенок, его мнение, вряд ли должно влиять на решение Кондрата Ивановича обзавестись семьей.

– Дело не в этом, – сказала Линочка и замолчала. Замечание Боброва ей показалось недопустимо грубым. С какой стати она должна отчитываться о личных недоговоренностях перед посторонним человеком?

Само собой подразумевалось, что Андрик волеется в новую семью естественно и легко, как в свое время маленькая

Линка влилась в семью и жизнь тетушек.

– Предварительное знакомство с мальчиком лишено смысла, – пояснила Лина. – Я уверена: мы сможем подружиться. Раннее сиротство, воспитание родственниками – да, у нас найдутся общие темы для бесед. Так что... Господи! Вы хотите сказать, что Андрик виновен в смерти Рубцова?

– Ничего такого я не хочу сказать, – вздохнул следователь. – Рубцов показывал мальчишке стилет. Отпечатки – всего лишь последствия любопытства, проявленного мальчуганом. Так что побег паренька из дома совершенно лишен смысла, а записка: «Я не вернусь, покуда имя истинного убийцы не будет произнесено вслух» – нелепость. Но мы имеем дело с ребенком: у детей своеобразное мышление, не всегда доступное пониманию взрослых.

– Андрик сбежал?

– Да. А вы не знали? – Бобров округлил глаза и укоризненно цокнул языком.

– Нет. Бедный мальчик! Кондрат, наверное, ужасно нервничает.

– Больше нервничает классный руководитель, а родной дядя держится молодцом. Завидное хладнокровие для любящего родственника.

Линочка разозлилась.

– Не смейте! – она готова была кинуться на Боброва. – Что вы понимаете?

Егор Константинович сделал шаг назад и протянул руки,

словно ограждая себя от нападения разъяренной фурии. Когда Лина посмотрела на него, намереваясь взглядом передать гнев и презрение, она увидела перед собой улыбающуюся физиономию и растерялась. Кажется, следовательно находит волнение собеседницы забавным.

– Что вы понимаете? – еще раз произнесла Лина, но уже тихо-тихо, едва слышно.

– Ничего, – признался Бобров. – Кроме одного: вы не слишком хорошо знаете своего жениха.

Линочка прислонилась к стволу старого дерева и вскинула голову.

– Как вы узнали о Кондрате?

Егор Константинович изобразил на лице скуку и пожал плечами.

– Прощупали связи Рубцова. Это не интересно, следственная рутина. Пойдемте, вас ждут. У меня выдался тяжелый день и, кажется, вечер предстоит не из легких.

– И у вас? – понимающе вздохнула Линочка. Обида уступила место сочувствию. – День Больших Перемен. Скажите, Егор Константинович, зачем вам нужен был наш разговор?

– Веление души. Мне кажется, вы влипли в историю.

– Какое вам до меня дело?

Бобров нахмурился и, схватив Лину под руку, увлек за собой. Оставшуюся часть пути они миновали почти бегом, и только, когда темные аллеи старого парка остались позади, следовательно заговорил:

– Понимаете, я могу привести вам десятка два ответов на ваш вопрос. Все они будут считаться правильными на сегодняшний день, но лишь один из них останется правильным и завтра. А сейчас – всего доброго.

Бобров развернулся и побрел в сторону темного парка. Невысокого роста, щуплый, сутулый, совершенно не похожий на следователей из многочисленных телесериалов. Ни красоты, ни стати, ни блестящего юмора – ничего, что делало бы его героем, появление которого непременно означает торжество закона и справедливости.

Кондрат Иванович поджидал в подъезде.

– Надо поговорить, – коротко бросил он, первым переступая порог квартиры, и через шаг споткнулся о вещи, еще утром вывалившиеся из шкафа и оставшиеся лежать на полу. – Что за черт!

В голосе Кондрата прозвучало раздражение, и Лина почувствовала: нить еще не начатого разговора утрачена, сейчас все пойдет не так, как планировалось. Она включила свет и кинулась собирать вещи, хватая их не глядя и рассовывая по полкам.

– Оставь! – приказал Кондрат. Он молча прошел в комнату и, плюхнувшись на диван, уставился в черный экран телевизора.

– Ты будешь ужинать? – спросила Линочка, закрывая

дверцу шкафа и для надежности приставляя к ней стул.

Кондрат вздрогнул и в упор посмотрел на Лину, словно не понимая, о чем его спрашивают. Когда смысл вопроса дошел до сознания, он глухо заворчал и помотал головой.

– Ты расстроен из-за Андрика? – Лина старалась придать голосу естественности и бодрости. – Я уверена, его скоро найдут, все наладится.

– Если в жизни что-то ломается, то уже не налаживается, – прогудел Кондрат.

– Давай, для начала, подумаем: зачем он убежал? где он может скрываться? и как нам уговорить беглеца вернуться?

– Андрик боится смерти, потому и убежал. Его отец скончался на глазах у Андрея – сильнейшее потрясение, но тогда мальчик был слишком мал для осознания. Несчастный случай. Смерть Рубцова – другое дело.

– Другое? – не поняла Лина.

– Я волнуюсь за Андрея, однако понимаю: ему сейчас гораздо лучше находиться вне дома. Смерть Рубцова – только начало.

– Начало чего? Боже мой, Кондрат, только не говори о проклятии.

– Зачем? Оно само говорит за себя.

– Ты знаешь, где Андрей?

Кондрат долго молчал и сердито сопел.

– Я скажу лишь одно: Андрик – отдельная история. Мне не хочется нагружать тебя проблемами. Я сам разберусь.

А вот как ты оказалась свидетелем смерти Рубцова – вопрос, неразрешимый для меня.

– Случайность, – неуверенно ответила Лина.

– Возможно, – быстро согласился Кондрат Иванович. – Но вот что я хочу тебе сказать: или ты слушаешь меня, поверишь в проклятие, и мы на время расстанемся, или...

– Или? – Лина не смогла удержать дрожи в голосе.

– Или нам придется расстаться навсегда. Я не намерен вовлекать тебя в собственные несчастья. Мне очень сложно сейчас принимать какие-либо решения, но я обязан защитить тебя. Как это сделать правильно – не знаю.

Лина молчала. Ей уже приходилось слышать фразу: «Извини, мы разные люди», но из уст Кондрата это прозвучало иначе, не так категорично, не так окаменело, без точки.

– Не обижайся, – голос жениха стал мягче. – Пожалуйста, постарайся вникнуть: пока я рядом с тобой – ты в опасности. Представь себе ситуацию: мы купаемся в реке, и я тоню. Твои действия?

– Я спасу тебя.

Кондрат грустно рассмеялся.

– Попробуй! – он дождался, когда Лина подошла к нему, и протянул руку. – Ну-ка, спаси!

Лина старалась изо всех сил, сначала она упиралась одной ногой в диван, потом обеими – все попытки оставались безрезультатными. Кондрат улыбался и сидел, точно пришитый. Через минуту-другую, он сделал легкое движение кистью,

и Линочка, потеряв равновесие, оказалась сидящей рядом с Кондратом на диване. Лина рассмеялась, но получилось фальшиво. Она понимала: действие изначально не предназначалось для веселья. Игра закончилась, и лицо жениха посуровело.

– Спасибо за попытку, но она неудачна и самоубийственна.

– Самоубийство? – Лина судорожно сглотнула. – Рубцов? Кондрат кивнул:

– Ты поняла? Он говорил, что вытащит нас из лап проклятия, лжи, обмана, но, как видишь, ничего толкового не получилось.

– Что он имел в виду?

– Не знаю. Рубцов странный и я не понимал его, а он не считал нужным объяснять.

– Ты говорил о словах Рубцова следователю?

– Зачем? Он все равно ничего не поймет. Не о том речь: мы должны расстаться на время.

Кондрат отвернулся. Лина не могла видеть выражение его лица... Да и хотела ли?

– Хорошо, – как можно спокойнее сказала она.

– Вот и поговорили.

Кондрат Иванович рывком поднялся и ушел, не попрощавшись, не оглянувшись, оставляя в душе Лины пустоту и одиночество. Может быть, так и должно происходить в мире взрослых? Она до сих пор чувствовала себя ребенком, ко-

торому необходима опека и защита. Кондрат старше, умнее, сильнее, он заботился о ней, но сейчас помощь необходима ему самому.

«Я тону... Мы должны расстаться на время». На какое время, Кондрат? Что делать? Ждать? Чего? Утопления? Или звать на помощь? Кого? Боброва? Тоже мне спасатель. А что, если смерть Рубцова – всего лишь повод разорвать отношения? А что, если это действительно единственный способ?.. способ чего? Количество вопросов переходило границы возможных ответов. «Мне очень сложно сейчас принимать какие-либо решения», – кажется, так сказал Кондрат. Странно.

Лина обхватила голову руками.

– Ой, – громко всхлипнула она. – Ой, ма... ма... Марта? Мартина?.. Ой, мамочки!

После того, как сообщение о странных обстоятельствах смерти Рубцова опубликовали в местной газете, Линочка долгое время отчаянно надеялась на чудо: на то, что тетки позвонят, обеспокоившись судьбой племянницы. Пусть имя Элеоноры Соколовой и не упоминалось, но, ведь в том и состоит миссия кровного родства – чувствовать беду на расстоянии. Чуда не случилось: либо тетушки не читали газет, либо их вообще не интересовала судьба племянницы, либо кровное родство – очередной миф, выдуманный кем-то для кого-то.

Со дня смерти Рубцова прошло достаточно времени: вот уже и октябрь, самый унылый месяц, медленно двигался

к завершению, а единственные родственницы усиленно делали вид, будто их вообще не существует. Или, вероятнее всего, не существует Линочки.

Она легла на диван, свернулась калачиком и, укрывшись пледом, уснула, всхлипывая и бормоча во сне.

«Следственным отделом по городу Усово успешно завершено расследование дела в отношении 42-летнего жителя Москвы, чей труп 19 августа был обнаружен на территории Старого парка. Юная усовчанка, случайно оказавшаяся на месте происшествия, вызвала полицию, проявив гражданское мужество и социальную бдительность. По данным следствия мужчина покончил жизнь самоубийством по неустановленным причинам личного характера.

Случай согласился прокомментировать сотрудник отдела психологической помощи населению. В ходе беседы с нашим корреспондентом он пояснил, что проблема самоубийств более глобальна, чем принято считать. С ней сталкиваются во всех странах, вне зависимости от степени благосостояния и развития. Отсутствие жизненных целей, духовное и нравственное обнищание, завышенные материальные запросы, утрата способности аккумулировать новые идеи и воплощать их в жизнь делает из внешне благополучной личности потенциального самоубийцу»...

Марта отложила старую, пожелтевшую газету, и с явным

наслаждением вдохнула аромат ванили. Тесто уже «подшло», пора заняться пирогами.

Стандартные фразы раздражали: «...был обнаружен на территории», «По данным следствия...», «...делает из внешне благополучной личности». Разве можно так говорить о человеке? Наверняка у «внешне благополучной личности» жизнь переполнилась драматическими событиями, перечеркнутыми и внешность, и благополучие, и саму личность.

Марта поставила сковороду на огонь, дождалась, когда масло закипит, и погрузила в него пирожки. Взгляд снова упал на газету.

Наверняка этот сорокадвухлетний житель Москвы долго стоял на пороге выбора или метался в поисках выхода, пока не нашел единственный возможный способ решения, и «...покончил жизнь самоубийством по неустановленным причинам личного характера». Трудно понять, что речь идет о человеке. Интересно, о чем он думал? О ком? Чем жил? От какой душевной раны пытался избавиться? При чем здесь «утрата способности аккумулировать новые идеи»? Что могло – и могло ли – измениться, появившись «юная усовчанка» минутой раньше?

А сама свидетельница? Наверняка, и ее жизнь изменилась. Можно подумать: она каждый день случайно где-нибудь оказывается, и с завидным постоянством проявляет «гражданское мужество и социальную бдительность».

От размышлений Марту отвлек запах подгорающих пирожков. Такой оплошности с ней еще не случилось. То-то Мартина обрадуется: найдется повод для ворчания или насмешек. Марта подошла к окну и открыла форточку.

Странно сводить счета с жизнью в августе. Конечно, смерть с календарем не сверяется, и все же... Все же это вызывает необъяснимый протест. Вот октябрь, пожалуй, более подходит для воспаления скорбей и печалей. Отчаянно грустный месяц. Все ощущают себя одинокими и начинают тосковать, кто о прошедших летних днях, кто о еще не выпавшем первом снеге.

Грустно. Поскорее бы вернулась Мартина. «Вероятно, приеду поздно. В Москве ужасные пробки. Не скучай». Легко сказать! Весь день Марта отдыхала от вечно всем недовольной сестрицы, а ближе к вечеру сердце сдавило уныние.

Двум близнецам жить под одной крышей занятно и сложно, как будто они до сих пор еще не родились, но уже повзрослели и даже начали стареть. Что там говорил сотрудник психологической помощи? Ах, да! «Отсутствие жизненных целей, духовное и нравственное обнищание». Помнится, при Линочке, все было иначе: смешно, нелепо, сложно, и все-таки, жизнь имела смысл, а каждая из сестер — значимость. Отдельность.

«...утрата способности аккумулировать новые идеи». Какие идеи? Зачем? Если уж что-то и следует накапливать, то простые проявления светлой радости. У большинства людей

довольно рано выходит из строя внутренняя батарея счастья, и они ждут подзарядки от других. Линочка была такой подзарядкой. Но Мартина запретила произносить имя племянницы вслух. «Когда у человека все ладится, он редко вспоминает о родственниках. Будь любезна, сделай вид, что и у тебя все хорошо. Мы помогли ей вырасти, теперь наша задача: не мешать девочке взрослеть. Пусть набивает шишки... сама и свои. Когда лоб разобьет – явится».

Усово – городок маленький и, конечно, находились какие-то общие знакомые или знакомые знакомых, которые приносили вести о Лине. Марта однажды приходила к дому, где жила племянница, но, увидев ее под руку с молодым человеком, быстро ретировалась. Зачем смущать и смущаться?

«Кого способны воспитать две старые девы? Только еще одну, третью, старую деву себе в компанию». Можно обижаться, сколько угодно, но по сути, Линка права. Они старались создать для племянницы все условия счастья, каким оно представлялось им, а не Линочке.

Марта вздохнула, переложила пирожки со сковороды на большое блюдо, загрузила новую порцию и посмотрела в окно. Темно, ветрено, почти ночь. Сколько ни вглядывайся – ничего не разберешь, кроме маленькой фигурки, тесно прижавшейся к стволу старой черемухи. Паренек? Девушка? Неважно. Просто человек. И этот человек тоже кого-то ждет.

Марта улыбнулась и вздохнула. Тягостно ощущать себя

одиноким в холодном октябре, – месяце смутных тревог и дурных предчувствий.

Бр-р-р, ну и денек выдался! Впрочем, здесь, в старом дворике, где все дышало воспоминаниями и радостью, события дня уже не казались столь тягостными.

Лина всю дорогу пыталась выстроить монолог, и в какой-то момент ей показалось, что успех уже близок: найдены слова, интонация, выражение лица, но стоило подойти к пятиэтажному кирпичному дому, все вылетело из головы.

Было около одиннадцати часов вечера. Линочка специально дождалась темноты: не выгонят же родные тетушки запоздавшую гостью на ночь глядя?

Во дворе, все было как прежде: та же узкая скамейка у подъезда, те же скрипящие кособокие качели на детской площадке, и песочница, заполненная серым дурно пахнущим песком – все, что раньше раздражало Элеонору, теперь умиляло до слез.

Добро пожаловать в прошлое! Вот только не все так просто: дверь в подъезде новая металлическая, строгая, с домофоном.

Линочка нерешительно потопталась и набрала номер квартиры тетушек.

– Да-а? – голос Марты звучал приветливо и немного удивленно.

У Лины перехватило дыхание.

– Здравствуй... те, – сдавленно пискнула Лина.

– Здравствуйте, – еще больше удивившись, ответила Марта.

– Это Лина.

На несколько мгновений, показавшихся Элеоноре вечно­стью, воцарилась тишина, затем зазвучала тренькающая мелодия, и радостно чирикающий голос Марты пригласил войти.

Вбежав на четвертый этаж, Линочка, тихо постучала в дверь и приложила ладонь к груди, пытаясь унять биение сердца.

– Открыто! – прозвучал звенящий от радости голосок Марты.

Элеонора осторожно вошла в коридор и ее тут же окутали сладкие ароматы ванили, корицы, каких-то пряностей, от которых приятно щекотало в носу. Марта выскочила из кухни в коридор, как чертик из табакерки, и кинулась обнимать Линочку. От Марты пахло теплыми пирожками и кипяченым молоком. Знакомые с детства ароматы обволакивали Линочку, успокаивали, радовали, вводили в транс, заставляя растворяться в воспоминаниях.

Тетушка продолжала щебетать, не выпуская Лину из теплых объятий. Какое вкусное имя – Марта. Невысокая, пухленькая, кареглазая, с пышными каштановыми волосами, румяная от волнения, она показалась Лине настоящей кра-

савицей, но уже не Гердой.

– Боже мой, Линочка! – Марта вытерла передником выступившие слезы и заторопилась: – Проходи, дорогая. У меня как раз все к ужину готово.

Они прошли на кухню, где на сковороде весело скворчали маленькие, румяные и кругленькие пирожки. Кухня несколько изменилась с тех пор, как Элеонора была здесь последний раз. Появился новый стол, шкаф, полки; место, где раньше стоял маленький диван, занимала стиральная машина, а стены украшали картины-пазлы, так тесно пригнанные одна к другой, что не оставалось просвета. Перехватив удивленный взгляд Линочки, Марта поспешила объяснить, кивнув на картины:

– Мартина придумала себе лекарство от скуки. Присаживайся, дорогая. – Марта метнулась к газовой плите и, напевая себе под нос нехитрую песенку из старого фильма, принялась колдовать над сковородой.

– Мартина, значит, еще не пришла? – Лину не отпускало чувство вины, она ощущала потребность подать голос и сказать хоть что-нибудь.

– Нет, еще нет. Ты же знаешь, у нее всегда много работы. Преподавание отнимает уйму времени, плюс командировки. Для одинокой женщины работа часто превращается в служение. – Марта оглянулась и виновато улыбнулась. Она боялась нечаянным упоминанием об одиночестве обидеть долгожданную гостью.

– А...

Линочка запнулась, не зная, как теперь обращаться к Марте: то ли на «ты», то ли на «вы».

– Да, дорогая, я по-прежнему комендантствую, – спасла положение добрая тетушка и, схватив деревянную лопаточку, ловко перевернула шипящие на сковороде пирожки. – Комендант в учебном заведении – должность хлопотливая, но, знаешь, интересная. Подумать смешно: наш отец работал в колледже, то есть, тогда еще в техникуме; наш дед там работал, при вечерней школе, теперь мы – целая династия Савиных. Но это пустяки! Оказывается, раньше, – Мартина нашла старые архивы – там же, тогда здание было занято под гимназию, работал и наш прапрадед Козьма Козьмич Савин. Представляешь?

Жесты и движения Марты показались Элеоноре немного нервными, торопливыми, а речь излишне быстрой. Тетушка волновалась и изо всех сил пыталась не нарушить баланс новых отношений. Она ни о чем не спрашивала Линочку, опасаясь задать какой-нибудь щекотливый вопрос или показаться неуместно любопытной и вновь сующий нос в личную жизнь племянницы.

Лязгнула входная металлическая дверь, и через пару секунд на пороге кухни появилась Мартина. Высокая, стройная, белокурая от природы, голубоглазая, с яркими и без помады губами, Мартина могла бы стать первой красавицей города, задайся она хотя бы на минуту такой целью. Но ее пор-

тили короткая мужская стрижка, взгляд Снежной Королевы, очки в грубой оправе и полное равнодушие к своей внешности.

— Кто у нас? — ледяным тоном спросила она, глядя на Элеонору. — А, это ты. Нашла время заглянуть на огонек? Весьма благородный поступок.

Марта растерянно посмотрела на сестру, затем перевела взгляд на понурившуюся Линочку и зашебетала:

— Мартина хотела сказать, что мы очень рады тебя видеть, Линочка. Мартиночка, переодевайся, дорогая. Мой руки и — за стол. Все уже готово.

Марта поставила в центр стола огромное, расписанное под хохлому блюдо с пирожками, сама же, быстро сняв фартук, устало присела на табурет и, подперев щеку ладонью, с улыбкой принялась рассматривать племянницу.

Мартина появилась минут через пять, облаченная в длинный темно-синий халат.

— Ну, — она прислонилась к дверному косяку и неторопливо стянула с носа очки. — Какие неприятные новости ты нам принесла?

— Мартина, — с упреком произнесла сестра и погладила плечо Элеоноры. — Линочка, Мартина хотела сказать, что мы волновались за тебя, да и сейчас плохо справляемся с волнением.

— Простите меня, — тихо сказала Лина и втянула голову в плечи, как делала в детстве, ожидая нагоняя. — Если бы вы

знали, как я...

– Конечно, конечно, дорогая! – радостно воскликнула Марта и подвинула ближе блюдо с пирогами. – Ни о чем не переживай.

– Но тщательно пережевывай, – хмыкнула Мартина. – А то, не ровен час, подавишься теткинм добротворчеством. Так что случилось?

Обе тетушки оказались внимательными слушательницами: они ни разу не перебили Лину ни словом, ни жестом, ни вздохом. Линочка говорила долго. После завершения рассказа тетушки многозначительно переглянулись.

Мартина пожала плечами.

– Повтори слова Рубцова, – потребовала она. – Постарайся точнее передать интонацию.

– Он сказал: «Кондрат... Икона... Убийца... Дворецкий». За интонацию поручиться не смогу.

– Икона? – Мартина задумчиво рассматривала потолок. – Что это значит?

– Фамилия Кондрата, – пояснила Линочка.

Марта вздрогнула и прижала ладонь ко рту, как делала в минуту волнения. Перед ее мысленным взором возник образ старообрядца, печального молещика с заунывным голосом и слезящимися от дыма коптящих свечей глазами.

– Интересная фамилия, – произнесла она, опуская взгляд.

– Оригинальная, – Лина улыбнулась, угадав мысли тетушки. – Кондрат ветеринар. У него в городе своя клиника.

– Айболит, значит? – уточнила Мартина. – Хорошо. Если Рубцов желал изобличить Айболита, он сказал бы «Кондрат Икона убийца», но при каких делах какой-то дворецкий?

– А если, – подключилась к размышлениям Марта, – «... убийца дворецкий», то при каких делах Кондрат? Батюшки! – пальчик Марты, белый, пухленький, точно вылепленный из теста, указал на статью в газете. – Ты и есть та самая «юная усовчанка»? Я так и знала. Ты думаешь, что в смерти Рубцова – правильно, да? – виноват твой жених? Ты, действительно, так думаешь? Но это ужасно! Совершенно нелепая история. Почему всё случилось именно с тобой?

– Почему бы и нет? – Мартина пробежала статью глазами – Ты упоминала о том, что Рубцов сделал несколько попыток написать письма, но удалась лишь одна. Это, как я поняла из твоего рассказа, было в день его смерти?

Лиана кивнула.

– Испорченные конверты он порвал и положил в карман, – напомнила Марта.

– В ключья порвал, – подтвердила Линочка. – Неотправленные письма. Странно, да?

– Нет. А эти фрагменты были обнаружены? – спросила Мартина, сворачивая из газеты самолетик.

Линочка растеряно поерзала на табурете.

– Я ничего не знаю. О них не упоминали. Рубцов мог их выбросить где-нибудь в другом месте, – пролепетала она, робея от пристального взгляда Мартины.

– Значит, их не нашли. Он успел избавиться от мусора.

– Избавиться? – переспросила Лина.

– Ответ очевиден, дорогая, – Марта быстро убирала со стола. – Твой Рубцов хотел сохранить имя и адрес получателя в тайне, поэтому уничтожил письма. Возможно, именно их искали в автомобиле и карманах Рубцова. Кстати, что означает надпись «ДСХ» на значке? Ты сказала, значок был прикреплен на лацкане пиджака. Глупо взрослому мужчине украшать себя бессмыслицей. Значит, у «ДСХ» есть некий смысл. Перстень с гравировкой «РС» – понятно: Рубцов Сергей... так наивно и мило, как в школьном журнале. Но что такое «ДСХ»?..

– Не знаю. – Линочка выглядела обреченной. – Я ничего не знаю про Рубцова. Дело не в нем. Мне-то что делать? Как помочь Кондрату?

– Ты не считаешь нужным отказаться от сомнительных отношений? – напрямую спросила Мартина, с интересом наблюдая за реакцией племянницы.

– Отказаться от Кондрата? И только потому, что у меня возникли какие-то там подозрения? Малодушно и подло!

– Как я тебя понимаю, дорогая, – сочувственно вздохнула тетушка Марта, погрозив сестре кулаком. – Но разве не малодушно со стороны Кондрата оставлять тебя в неведении?

– Он хочет меня защитить, – пискнула Линочка и с вызовом посмотрела на Марту.

– Хорошо, хорошо. Расскажи, какой он, твой жених?

Действительно, какой он? Лина задумчивым взглядом обвела кухню, останавливаясь на стиральной машинке, занявшей место дивана.

– Кондрат... Он мягкий, надежный, уютный и теплый.

Мартину заинтересовал ответ Лины, она смотрела на племянницу, приподняв левую бровь и чуть улыбаясь. Марта молчала, вертела в руках чашку и растерянно хлопала ресницами.

– Отлично! – усмехнулась Мартина. – Но вот, что я тебе скажу: он был надежный, но от времени и сырости рассохся. Он был уютным, но потерял мягкость и перестал радовать теплом. Сначала мы пытались привести его в порядок и, надо сказать, это стоило больших и, увы, совершенно неоправданных расходов. Пришлось от него избавиться. Мы отправили старую рухлядь в утиль. Надо уметь прощаться с тем, что уже не желает тебе принадлежать. Он тоже был рад с нами расстаться.

– Кто? – тихо спросила Лина, ощущая странную прохладу во всем теле.

– Не задавай глупых вопросов и прекрати, наконец, бледнеть. Не хватало еще, чтобы ты хлопнулась в обморок. Я-то говорила о старом диване, а ты о своем женихе.

– Я тебя не предупредила, – прошептала Марта на ушко Линочке, – она стала невыносима: ужасно упряма и безнадёжно права. К тому же, дорогая, мне показалось: ты проявляешь несколько болезненный интерес к Рубцову. Его

смерть выше твоего понимания. Ты говоришь о нем так, словно он еще продолжает жить и дышать. Сказки о принцах утешительны, но проблем они не решат.

В голосе Марты слышалось легкое осуждение. Лина сделала вид, будто не поняла сентиментального замечания тетушки и поспешила сменить тему.

– Как меня они беспокоят, – грустно сказала Линочка и пояснила: – Неотправленные письма. В этом есть что-то неправильное.

Марта обеспокоенно смотрела на племянницу, и Лина боялась, как бы тетушка не возобновила разговор о чувствах, переживаниях и восприятиях. Но тут вмешалась старшая тетка, которую душевные переживания мало интересовали.

– Я сочла бы историю банальной. Демонстративное самоубийство – допустимый вариант, при условии наличия многих неизвестных величин-причин, но замечание Боброва в корне меняет дело. – Мартина задумчиво потерла подбородок.

– Какое замечание? – Марта дернула сестру за рукав, требуя немедленного ответа.

– Он сказал, что всегда огорчается, если замечает ошибку. Кстати, – она подалась вперед и не мигая, уставилась на Лину, словно опасаясь не расслышать важную информацию. Ты упомянула, что твой Кондрат Евсеевич...

– Иванович, – шепотом поправила Марта.

– Тем более, – поморщилась Мартина. – Господи, что

за имя-то такое? Кондрат да еще Иванович, да еще и Икона. Специально искать – не найдешь. Ладно, он говорил о каком-то проклятии. Что за проклятие?

Вопрос застал Лину врасплох, она не хотела вспоминать слова Кондрата, опасаясь, что тетки примут их за бред сумасшедшего и, упомянув о проклятии вскользь, надеялась больше не возвращаться к столь щекотливой теме.

– Да, – ответила Линочка, опуская взгляд. – Семейная легенда. Когда-то некий дьяк – кажется, дьяк – проклял барона Гальтского.

– И? – не поняла Мартина. – Твой Евсеевич, то есть, Иванович оказался бароном? Это совсем немыслимо!

– Нет, но он живет с ним под одной крышей, – пролепетала Лина.

– Чушь, – развела руками Мартина. – Дьяки канули в Лету давным-давно. Какая крыша?

– Дьяк канул, – тихо, но настойчиво произнесла Линочка. – Но призрак его остался.

– Знакомо: нечто подобное мы уже слышали. А барон-то кто? Тоже призрак? – не унималась Мартина.

– Нет, – Линочка съежилась и принялась шмыгать носом.

– А с кем же тогда под одной крышей, черт возьми, живет твой Иванович?

– С бароном, – Лина закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. – Кондрат Иванович живет под одной крышей с Романом Владимировичем Гальтским, потомком прокля-

того дьяком барона. Кондрат Иванович уверен, что, вернув титул и фамилию, нынешний Гальтский вернул и семейное проклятие, которое вершит призрак дьяка.

– Ну вот, оказывается, можешь выражаться почти красиво, – проворчала Мартина, задумчиво поглаживая острый подбородок. – Только ясности твое красноречие не прибавило. Призрак мстит барону – понятно. А Кондрат за компанию под раздачу попал?

– Кондрат считает, что проклятие распространяется на всех, кто оказался рядом.

– Либо холера, либо грипп, – фыркнула Мартина.

Марта стояла возле стола, прижав руки к груди, и с выражением отчаянной жалости смотрела на Линочку, забыв о своей святой обязанности – обращать острые речевые обороты сестры в плавные линии.

Линочку отправили спать в комнату Мартины. Не смотря на пережитое волнение и узкий диван, Лина уснула моментально, как только голова коснулась подушки. Тетушки продолжали чаевничать, сидя на кухне.

– Мне все это очень не нравится, – взволнованно заговорила Марта. – Проклятия, призраки и, между прочим, возможно, убийство.

– Да, убийство – это совсем «между прочим», – хмыкнула Мартина.

Марта отмахнулась.

– Куда нелегкая занесла нашу Линочку – не знаю. Помогите, ее необходимо спасать. Теперь простым запретом проблему неподходящих знакомств не решить. Надо что-то придумать.

Мартина поморщилась, на ее лице читалось выражение скуки. Рассказ Лины не вызвал в родной тетке ни страха за племянницу, ни озабоченности судьбой бедолаги. Марта недоумевала.

– Как ты можешь оставаться равнодушной? Нам необходимо позаботиться о девочке.

– Забота – один из видов тирании, – зевнув, ответила Мартина.

– Но ей угрожает опасность!

– Неужели? – рассердилась Мартина и, сорвав с носа очки, бросила их на стол. – Она придумала сказку, в которую сама же и поверила. Лина – эмоциональное, плохо воспитанное и капризное дитя. И это, кстати, целиком твоя вина. Что, по сути, случилось? Умер незнакомый Линке мужчина, показавшийся ей красивым и успевший заинтриговать маленькую дурочку. Когда тебе кто-то интересен, ты невольно придаешь гипертрофированное значение жестам, движениям, словам, неотправленным письмам – любым мелочам. А тут еще и смерть вмешалась. Терзания, переживания – вот и результат. Перестань зря волноваться. С такими, как Линка никогда ничего не случается серьезного; таких даже соба-

ки со всей злостью не кусают — лень.

Марта промолчала, продолжать разговор с сестрой не имело смысла. В чем-то Мартина права: они допустили ошибку в воспитании девочки. Большую судьбоносную ошибку. Именно они упорно диктовали Лине свои мировоззрения, желая спасти от разочарований и трагедий. Именно они настойчиво внушали ей страх перед мужчинами, возлагая надежды на здравомыслие и осторожность в чувствах. Мужчины коварны, нечистоплотны, агрессивны, эгоистичны, ленивы, ревнивы, неудобны в общении, демоничны и так далее — Линочка поверила. Но осмотрительность, не лишняя для Линочки-подростка, стала балластом для Лины-женщины. Она вынесла весь этот бред в свою взрослую жизнь.

Теперь, когда на горизонте появился самый обыкновенный мужчина, без патологий в характере, Линочка испугалась. Оказавшись дезориентированной, она сделала все, чтобы вернуться к знакомым понятиям: закрутила воображаемый роман с демоном-красавцем Рубцовым, охладела к Кондрату и подвела к разрыву отношений. Смерть демона стала для нее символом, а бороться с символами гораздо сложнее, чем с четко сформулированными идеями. Даже следователь Бобров в глазах Лины имеет большую привлекательность, нежели Кондрат, поскольку, следовательно, возможно, не слишком коварен, но, как ни крути, в общении ужасно удобен, а это вполне согласуется с вызубренными правилами жизни.

Чем опаснее мужчина, тем у него больше шансов быть узанным Линочкой, а, значит, либо она побежит от него, либо побежит навстречу. В любом случае, ничего хорошего: девочка разобьет лоб как раз там, где они с Мартиной усиленно подстилали соломку.

– А что, если никакого проклятия не существует? – тихо произнесла Марта. – Возможно, Кондрат решил напугать Лину и, таким образом, избавиться от нее?

– А для надежности убил Рубцова? – усмехнулась Мартина. – По-моему, слишком сложный путь отступления.

– Пожалуй. Знаешь, если бы не статья в газете и упоминание о Боброве, я сочла бы историю выдумкой. Да, кстати, о Боброве! Мартина, надо позвонить Егору. У тебя где-то записан номер его сотового. Он милый мальчик и, скорее всего, знает, что делать.

– Если знает, уже сделал, – нелюбезно отозвалась Мартина. Она зевнула и уронила голову на стол.

Во времена своего обучения в Усовском юридическом колледже Егор Бобров считался самым умным студентом, однако, в золотую когорту отличников никогда не попадал. Особенно сильно он страдал на первом курсе. Бобров всегда знал правильный ответ на задачу, но все попытки преподавателей выяснить ход решения с треском проваливались.

– Егор Бобров, внимательно посмотрите на доску, и ска-

жите: правильно ли ваш товарищ решил задачу?

– Нет.

– Укажите на ошибку, Бобров.

– Ошибка в ответе. Правильный ответ – 39.

– Верно. А теперь, Бобров, выходите к доске. Помогите своему товарищу обнаружить ошибку.

Егор, маленький, тщедушный, сутулый медленно подходил к доске и указывал пальцем на ответ.

– Вот она, ошибочка-то.

– Ну, так вы исправьте.

Егор брал мел и очень аккуратно, не уничтожая предыдущей надписи, исправлял.

– Бобров, – сердился преподаватель. – Я просил вас решить задачу, а не подставить ответ.

– Я решил. Правильный ответ...

– Бобров! Решите другую задачу. Запишите условия...

Егор тщательно выполнял требования.

– Решайте! – приказывал преподаватель и поворачивался к аудитории. Но, так и не успев завершить движение, уже слышал ответ.

– Правильно! – восклицал преподаватель. – Как вы это решили?

– Я решил это правильно.

– Покажите нам ход решения на доске.

– Я не знаю хода, – признавался Егор. – Но я знаю ответ.

Сначала над ним подтрунивали, посмеивались, но, ко-

гда наступила пора специальных дисциплин, стало легче, и смешки поутихли, а вскоре прекратились совсем. Правда, и здесь было не все так гладко, как хотелось.

– Егор Константинович, – директор колледжа, читавший лекции по уголовному праву, всегда называл студентов по имени и отчеству. – Вы, если надумаете повышать уровень образования, нацеливайтесь на нотариат. Постарайтесь не попасть в следственный отдел. С вашим странным складом мышления, там делать нечего. Вы совершенно, просто патологически, не способны выстраивать доказательства. Не обижайтесь, но вы подобны надгробному камню. Знаете, на нем обычно указаны только начальная и конечная даты, а между ними – прочерк. В Вашем, Егор Константинович, случае, нет даже прочерка.

Прошло время. Бобров, со всей присущей ему тщательностью, готовился стать нотариусом, не помышляя о другой деятельности. Судьба распорядилась иначе, и Егор оказался там, где оказываться ему не советовали. «С вашим складом мышления, там делать нечего». Директор ошибался: дел у Боброва было более чем достаточно и, между прочим, он считался одним из лучших следователей, именно по причине странного склада мышления. Однако выстраивание доказательств, соединение фактов, классификация их, раскладка решения по действиям – все это так и осталось для Егора «испанским сапогом» в работе.

Егор Константинович не удивился, услышав в телефонной

трубке голоса сестер Савиных: ровный и властный – Мартина Львовна; взволнованно щебечущий – вдали и фоном – Марта Львовна.

– Дело мутное, – признался Бобров. – Есть тема для прихватной беседы.

Этим же днем в два часа они встретились в Старом парке. Время назначил следователь, а место встречи – Мартина.

– Вот здесь все и случилось, – сказал Егор Константинович, глядя себе под ноги. – Самоубийство. Смерть наступила в результате колотого ранения в шею. Количество ударов – один. Орудие – стилет. Следов борьбы не обнаружено. Отпечатки пальцев на стилете совпадают с отпечатками убитого Рубцова. На рукоятке также обнаружены отпечатки несовершеннолетнего Андрея Валентиновича Иконы. Андрей утверждает, что данное оружие ему демонстрировал Рубцов, часто приезжавший навестить...

Марта охнула и прикрыла рот ладонью.

– Так, стоп! – Мартина обошла сторонкой место, указанное Бобровым, и остановилась у канавы, превращенной заглядывающими в парк горожанами в хранилище пластиковых бутылок. – Егор Константинович, внимание – вопрос: может ли подобное ранение оказаться результатом внезапного нападения?

– Вполне. Я отрабатывал этот вариант, но, к сожалению, безуспешно.

«Какого черта я сюда явился? Что я смогу им сказать? Что

они смогут сделать?» Егор Константинович, как говорится в подобных случаях, чувствовал себя не в своей тарелке. Он готовился к ответам на вопросы о Кондрате и заранее составил несколько фраз-заготовок, нейтральных по открытому содержанию, но слегка настораживающих в своем скрытом значении. Линочка, по его мнению, должна найти в себе мужество и признать: Кондрат Иванович Икона – человек серьезный, надежный, но это не Линочкин человек. О том, что ему предстоит отчитываться за ход ведения следственных дел, Егор не думал, и теперь злился на свою непредусмотрительность и на излишнюю любознательность Мартины.

– К сожалению, безуспешно, – повторила Мартина слова Боброва. Она перехватила взгляд следователя и нахмурилась. – «К сожалению», Егор Константинович?

– Увы, Мартина Львовна, – в голосе Егора звучала печаль. – Рана могла быть нанесена самостоятельно. В пользу этого свидетельствуют отпечатки и расположение «пальчиков» Рубцова. Люди, близко знавшие Рубцова говорят, что он был человеком неуравновешенным, склонным к перемене настроения. Незадолго до смерти Рубцов находился в дурном расположении духа. Он нервничал, повышал голос по любому поводу и без повода. В общем и целом, у меня нет ничего, что можно противопоставить версии о самоубийстве.

– А беспорядок в салоне автомобиля? – спросила Мартина.

на.

Бобров на секунду задумался, припоминая детали.

– Вполне допустимый. На заднем сидении разбросаны музыкальные диски, папки с подписанными и неподписанными договорами, брошюры. Рядом с трупом обнаружены медикаменты, бинт, жгут, выпавшие из медицинской аптечки; автоматическая ручка, карандаш со сломанным грифелем, блокнот, ключи, кошелек, пара старинных золотых монет, старинные аметистовые запонки. Все это он мог рассыпать, копошась в бардачке и вытаскивая аптечку.

– Вывернутые карманы?

– Да. Под трупом обнаружена пластина с нитроглицерином. Рубцов страдал стенокардией. Так что, и вывернутые карманы находят вполне законное обоснование.

– Неужели? – Мартина хмыкнула и недоверчиво посмотрела на следователя. – Странная раскладка действий. Как, по-вашему, Егор Константинович, Рубцов решил снять приступ стенокардии до того, как воткнуть стилет себе в шею или после? Извините за невольный цинизм, но по-другому не могу сформулировать.

Бобров откашлялся и нахмурился.

– Ничего он не решал – предсмертная агония. Мне очень жаль, Мартина Львовна: ваша племянница оказалась в центре событий. Я понимаю ваше волнение и сочувствую. Поверьте, я сделал все, что в моих силах, но исключить Элеонору Соколову из процедуры совсем, оказалось делом невоз-

можным.

– А следы? – упорствовала Мартина.

Бобров грустно усмехнулся:

– Какие следы? Дождь все уничтожил.

– Сколько времени могло пройти от момента нанесения раны до момента смерти?

– При повреждении артерии смерть наступает быстро. Теоретически факт постороннего воздействия допустим, но на практике ничего доказать невозможно. Я понимаю, о чем вы спрашиваете, но свидетельница никого не заметила. Убийца должен был действовать не просто быстро, а с посекундным расчетом отступления. Простите, но большего не смогу сказать. Во-первых: я уже перешел границы дозволенного, во-вторых: сказать мне нечего.

– Это все?

– Это все.

– Спасибо, – сказала Мартина и, подойдя к сестре, с силой дернула за рукав. – Отомри уже.

– Спасибо, – еле слышно повторила Марта.

Во время встречи она молчала, и только по испуганно застывшему взгляду можно было угадать, какое впечатление на нее производили реплики Мартины и Егора Константиновича. Марту беспокоили иные темы.

– Он оставил записку? – еле слышно спросила Марта.

– Нет, ничего такого. Мы проверили телефонные сообщения – пусто. Станный человек: он использовал теле-

фон только в качестве переговорного устройства, а ноутбук и компьютер служили просто удобными печатными машинками. Он не потрудился завести электронный адрес, предпочитая услуги классической почты.

– Простите, Егор Константинович, – Марта покраснела. Ей было неловко отнимать время у следователя, решая свои семейные проблемы. Но должен же кто-то заступиться за Линочку! – А чем Рубцов занимался?

– Раритетные вещи: купля, продажа, реставрация. В основном книги, рукописи, предметы быта – ничего ценного, – Бобров посмотрел в сторону и добавил: – Это не те вещи, за которые убивают.

Марта растерялась, не зная, как продолжить разговор. Она видела: Егор утомлен «свиданием», но вопросы разьедали душу. На помощь пришла Мартина.

– Марта права. Вы говорили: Рубцов считался материально благополучной личностью. С чего он получал доход?

– Реставрация. Я никогда не думал, что в нашей стране столько любителей старины, готовых щедро платить за любовь. Как я понимаю: Рубцов был уникальным человеком, возможно, гением в своем деле. И при всем том, близких дружеских связей не заводил. Все окружающие приходились ему либо деловыми партнерами, либо объектами исследования.

– А Гальтский? – робко спросила Марта.

– Мне кажется: Рубцов был интересным человеком, – Боб-

ров грустно улыбнулся. — К людям он относился приблизительно так же, как к вещам. Гальтский для него — живой раритет, требующий изучения с целью дальнейшей реставрации.

— Что с другими персонажами нашей истории? — спросила Марта.

Егор Константинович почувствовал себя свободнее, рамки служебных полномочий уже не так сильно стесняли его. Правда, заготовленные к этому случаю фразы теперь казались лишёнными смысла. Наверняка, под «другими персонажами» Марта подразумевала Кондрата, но Бобров решил создать набросок всего окружения.

— Наведываясь в Усово, Рубцов всегда останавливался в Малых Полончаках, в доме барона Гальтского.

Бобров улыбнулся, вспомнив, какой эффект произвел на него титул одного из фигурантов. Настоящий барон? В самом деле? Вот досада! Следователь терпеть не мог выглядеть глупо при исполнении служебных обязанностей и боялся оплошать, поскольку совершенно не знал правил поведения, принятых в светском обществе.

Волнения были напрасными. Гальтский оказался милым, добродушным, гостеприимным пожилым человеком без выкрутасов. Узнав о смерти Рубцова, барон огорчился, но лицемерить и проливать слез не стал.

«Ах, господин следователь, люди моего возраста осознают неизбежность утрат и, как правило, уже не упрекают Небеса

в несправедливости и не показывают Богу фиги – жизненное выгорание».

Однако ни возраст, ни «жизненное выгорание» не помешали барону Гальтскому избрать в невесты женщину много моложе себя, что, по мнению Боброва, граничило с опасным сумасбродством.

Будущая баронесса произвела на Егора неприятное впечатление. Дело, конечно, не в том, кто кому и почему нравился или, напротив, не нравился: следствие – есть следствие, здесь о симпатиях думать не приходится, но беседа с красивой механической куклой далась Боброву тяжело.

Узнав о смерти Рубцова, она не проявила никаких эмоций.

Совсем иное дело – Сопшина-Мазурко, приятная дама уважаемого возраста; бойкая, деловитая, знающая сто пятнадцать рецептов приготовления кофе. Она была частой гостьей барона и, как подозревал Бобров, не теряла надежды «подсидеть» невесту Гальтского.

«Рубцов умер? Боже мой, какая трагедия! Он чертовски привлекательный мужчина. Мне нравилось на него смотреть. Шедевр, редкостное произведение искусства, штучный вариант. Просто свинство с его стороны умереть и лишиться меня такой крохотной радости, как созерцание прекрасного». – Дама Сопшина-Мазурко попыталась разрыдаться, но передумала, ограничившись печальным взглядом и скрещением рук на пышной груди.

Следующий фигурант – Кондрат Иванович Икона. Тридцать девять лет. Ветеринар, практикующий частным путем. Имеет стабильный доход. Востребованный специалист. Холост. Детей нет. Официальный опекун осиротевшего племянника. Боброву он показался умным, но мрачным.

«Люди и сами не знают, сколько раз за день проходят мимо своей смерти, но не проходят лишь единожды. Рубцов, значит, не проскочил».

Во время пребывания в доме барона следователь ощущал легкое жжение в области затылка. Чувствительность к чужому пристальному взгляду – особенность врожденная и не поддающаяся управлению. Егор не мог точно сказать, кто именно за ним наблюдал, но в присутствии Кондрата Ивановича жжение усиливалось.

С Рубцовым Кондрат общался мало. «Не нашлось общих интересов». Бобров предполагал, что Икону люди вообще мало интересуют.

И только пятнадцатилетний племянник Иконы воспринял смерть Рубцова, как трагедию. Вначале мальчишка крепился и пытался рассуждать по-взрослому:

«Мне кажется, здесь никто не оценивает всю степень серьезности утраты. Я всегда считал Рубцова умным, образованным человеком; он увлекался историей и мог внести большой вклад в науку. Нет ничего ужаснее упущенных возможностей, разве что, исторические неувязки. Так считал Рубцов. Вряд ли он намеревался затмить славу Забелина, Ка-

рамзина, Ключевского, но...». И вот тут юный энциклопедист по-детски разревелся и был уведен опекуном на второй этаж, в комнату, откуда еще долго доносились всхлипывания и причитания.

В следующий раз, когда Бобров вознамерился повторить беседу с Андриком, выяснилось, что мальчонка сбежал, оставив странную записку, содержащую требование произвести вслух имя убийцы Рубцова.

«Ах, господин следователь, наш Андрик слишком юн: он не способен принять смерть, как неизбежное завершение любой жизни. Он протестует», – объяснил поступок Андрея барон Гальтский.

«Я уважительно отношусь к Кондрату Ивановичу, но вам следовало бы провести допрос ребенка в моем присутствии. Я все-таки педагог по образованию и, смею надеяться, по призванию. Андрей необычный ребенок и требует особого отношения. Его мозг способен работать в режиме функционала взрослого. Как правило, это приводит к конфликту разума и жизненного опыта. Второе по естественным причинам еще недоразвито. В лице Рубцова Андрей потерял интересного собеседника, товарища. Реакция на известие о смерти друга, он воспринял по-детски. Андрик убежал не от нас и не от вас, он убежал от травмирующей ситуации», – эти слова невеста барона произнесла так, словно читала их с листа.

«Боже мой! Бедный мальчик! А, впрочем, не знаю. Я

не понимаю детей и, признаюсь, не очень-то их люблю. Они докучливы, много шумят и ужасно глупы. Поиграет в прятки и вернется», – дама Сопшина-Мазурко была немногословна.

Еще меньше слов произнес Кондрат:

«Избаловал я его».

– Побег Андрея признан действием, не имеющим отношения к делу о смерти Рубцова, – сказал Егор Константинович, завершая повествование.

– И дело закрыли, признав версию самоубийства установленным фактом. – Мартина покачала головой и нахмурилась. – Вы уверены в безошибочности выводов?

Егор уходил из парка с тяжелым чувством. Кто бы мог подумать, что гибель Рубцова заинтересует следователя больше положенного. А после разговора с Мартиной, он и вовсе расстроился.

– Я идиот, – процедил Бобров сквозь зубы и сжал кулаки.

«Вы уверены в безошибочности выводов?». Почему-то именно этот фрагмент беседы вызывал помимо досады горечь недосказанности.

«Нет ничего ужаснее упущенных возможностей, разве что, исторические неувязки».

Вечером тетушки посвятили племянницу в свой, а точнее, в Мартинин план, смысл которого Лина поняла только после второй чашки чая и четвертого блинчика.

– На такое элементарное дело ты способна? – спросила Мартина, строго глядя на Лину поверх очков. – Ты сможешь подсказать Кондрату Ивановичу, как нормальные люди избавляются от призраков?

– Смогу, – без энтузиазма заверила Линочка, сильно сомневаясь в силе своего влияния на жениха. Затем немного подумав, нашла в себе смелости, взглянуть в холодные глаза Мартины, и признаться:

– Мне не очень нравится ваша идея.

Мартина смерила Линочку презрительным взглядом и пожала плечами.

– Как знаешь, так и поступай.

– Она согласна, – заверила Марта, обходя Мартину и закрывая собой племянницу. – Но, знаешь, Мартиночка, у меня тоже есть некоторые сомнения. Мне кажется, мы не очень похожи на сестер-спиритисток.

– Мы и на сестер-то не похожи, – хмыкнула Мартина и, обращаясь к племяннице, приказала: – Бери бумагу и ручку. Записывай!.. Да, да, именно так и запиши: «с потусторонней».

Через день, Линочка, запинаясь и краснея, старательно пересказала жениху продиктованный Мартиной текст. Произнося монолог, Лина отводила взгляд и виновато улыбалась, предчувствуя неудачу. Однако мистически настроенный Кондрат Иванович серьезно отнесся к совету невесты, и уже к вечеру добился от барона Гальтского согласия

на приглашение специалистов «по связям с потусторонней общественностью».

В малых полончаках

Деревня Малые Полончаки, расположенная в тридцати километрах от городка, давно считалась несуществующей. Уже к началу девяностых, кроме Ивана Маркеловича и его сына Кондрата жителей в Полончаках не осталось. Избы сгнили или были разобраны по бревнам, бурьян да чертополох заполонил обезлюдившее пространство. Сгинула бы деревенька, не попадись она на глаза путешественнику отставному генералу. Человек сметливый, быстрый на принятие решений, он в скорости выстроил небольшой, но нарядный домик. С тех самых пор городские острословы называли заброшенную деревню Генеральской.

Теперь здесь появился дачный поселок, куда любители тишины – в основном это действительно были отставные военные – приезжали по весне и уезжали с началом холодов. Летний отдых, по-видимому, мало располагал к основательности, посему «генеральские» домики не отличались капитальностью, а издалика казались игрушками, склеенными из цветного картона.

Совсем иное дело – двухэтажный бревенчатый дом ветеринара Кондрата Ивановича Иконы. Строение не блистало изяществом и красотой, но привлекало внимание строгостью линий и простотой. В архивных документах Усовского музея, оно значилось, как «Иконова изба» – бывший

дом, где некогда проживал управляющий имением баронов Гальтских. О доме ходили разные слухи. Кто-то говорил, будто при закладке фундамента нечистая сила охранное слово шепнула; кто-то заверял – старец светлый молитвой божьей имение благословил. Те правы, эти ли, что за сила берегла стены – доподлинно неизвестно, но, дом, конечно, измененный в ходе обновлений и ремонтов, все же сохранил характер далеко ушедшего времени.

Но еще удивительнее – уцелели и носители странной фамилии. Исторические перипетии странным образом обошли Икон стороной, не коснувшись раскулачиванием и репрессиями. Неприятности, конечно, были, но до трагедий дело не доходило. Словно дом сам укрывал своих хозяев от несчастий, оставаясь для Икон родовым гнездом. Может, не зря говорили о вмешательстве тайных сил?

Стоял он в отдалении от «генеральских» домишек, на возвышении, отгороженный от любопытных глаз разросшимся диким садом. Со стороны дороги открывалась лишь небольшая часть двора и каменная стена, – единственная сохранившаяся от всего имения баронов Гальтских.

Некоторые, из числа дачников, пытались намекнуть Кондрату на продажу дома, но заведя разговор однажды, более к теме беседы возвращаться не смели, а при встрече с хозяином «утомительной для молодого холостяка недвижимости» робели и, кивнув издали в знак приветствия, спешили по своим делам.

Жил Кондрат скромно, вел хозяйство по-мужски основательно, внимания на мелочи не обращал, а на дачников махнул рукой: много ли понимания можно ждать от чужаков? Так и дожил бы Икона до скончания своего срока, оберегая «Иконову избу» и завещая делать тоже детям, внукам, и правнукам. Но случилась оказия...

Десять лет назад неожиданно для всех объявился последний отпрыск баронов – Роман Владимирович Сайкин. Ему потребовалось много времени, терпения и сил, чтобы восстановить титул и на законных основаниях заявить о себе, как о носителе фамилии.

Будучи человеком ленивым до сочинения лжи, он честно признался любопытствующим сотоварищам: возвращение титула – это новые знакомства, определенный круг общения, широкие возможности – выгодно.

Бывший Сайкин, а ныне Гальтский, и сам не предполагал, чем обернется его спонтанно предпринятый визит в Полончаки. Поездка, задуманная для увеселения, закончилась рождением тайны. Гальтский любил рассказывать об этом долгими зимними вечерами, пытаясь отыскать разгадку, живописуя свои ощущения.

«Чем ближе подъезжал я к деревне, – признавался он, – тем тягостнее становилось на душе, дорога наводила тоску, и возникало мучительное желание вернуться. С каждой минутой душевная маята перерастала в тревогу, а та обращалась в страх, и морозец ужаса уже прищипывал кожу. Я ощу-

тил сильное сердцебиение, в висках застучали молоточки, мышцы одеревенели, перехватило дыхание, и пропал голос, руки задрожали, а лоб покрылся холодной испариной. Мне впервые приходилось чувствовать себя столь скверно: было противно, стыдно вспоминать свое недавнее веселье, вызванное решением о поездке. И теперь собственное легкомыслие кажется мне неизвинительной пошлостью. Это было странно, друзья мои, очень странно.

Дурные мысли рассеивали внимание и мешали любоваться открывшимися картинами природы. Мне казалось, будто встреча с неизведанным состоялась, только я проглядел, не понял и проиграл, а теперь отыгрываться поздно – финал. От этой мысли пришло успокоение, схожее со смирением перед неизбежным. К дому я подъехал без трепета. Страх отступил, и я обещал себе непременно разобраться с причиной приступа малодушия, как только уляжется душевная сумятица».

Прошло десять лет, а барон так и не занялся выполнением данного обещания. «Каждый имеет право на свою маленькую тайну, смысл которой скрыт ото всех и даже от носителя этой тайны», – говорил он, завершая свое повествование и утешая слушателей.

«Всем своим существом, – говорил Роман Владимирович, – понял я одно: больше искать нечего, дальше бежать некуда – здесь моя судьба».

Первый визит барона стал событием, почти приключе-

нием, в размеренной до скуки жизни Кондрата Ивановича. Не расположенный к сюрпризам, Икона, поначалу принял гостя насторожено. Роман Владимирович и не рассчитывал на радушный прием. Поток дерзостей, перемежающихся с ворчанием перенес спокойно, без обид. Мягкий характер барона и миролюбивый нрав постепенно сгладили отношения до степени товарищества.

Гальтский сразу же, при знакомстве, увидел в Иконе человека достойного, серьезного, не обременительного в общении и полезного в хозяйстве. Позже обнаружились и общие идеи, нашлись темы для дружеских бесед. Кондрат разделял пристрастие Романа Владимировича к той части отечественной истории, которая касалась возрождения имения.

Мало-помалу, в душе Иконы возникло странное чувство привязанности к барону. Кондрат с большим любопытством наблюдал в своей душе зарождение симпатии к человеку для него постороннему и, одновременно, близкому; словно, из далекого долгого путешествия вернулся давний приятель, чьи черты время вычеркнуло из памяти, вписывая туманный образ в картины сновидений.

Просьбы нового барона продать ему «Иконову избу», Кондрат после долгих уговоров и размышлений счел справедливыми. Если Иконы не смогли сберечь само имение Гальтских, значит, надо уступить половину своего жилища.

На полученную от сделки сумму Кондрат Иванович купил квартиру в городе, но остался в Полончаках, поддавшись

на уговоры нового барона, оказавшегося совершенно не готовым к деревенской жизни: Гальтский каждый раз при растопке голландки рисковал сгореть заживо.

Роман Владимирович потратил немалые средства, приводя фамильное имение в порядок. Обидно – деньги закончились гораздо быстрее, чем предполагалось, и работы пришлось прекратить. Однако мечта о восстановлении имения в первозданном или приближенном к первозданному виду Романа Владимировича не покидала. Икона поддерживал планы нового хозяина, но были моменты, которые откровенно огорчали, а порой раздражали Кондрата.

Друзья барона, частенько гостившие в доме, приносили немало хлопот. С мужским гостевым сообществом Кондрат скоро смирился, а вот с Ларисой Макарьевной Сопшиной-Мазурко, приезжавшей отдохнуть на недельку-другую, отношения который год оставались весьма натянутыми. Ситуация осложнилась после появления Аделаиды, невесты Гальтского.

Лариса с трудом переносила присутствие других женщин, и Кондрат, наблюдая страдания будущей супруги барона, не торопился приглашать собственную нареченную, Линочку, в Малые Полончаки. Да и необходимости не было: в его распоряжении – городская квартира, куда он намеревался переехать в самом ближайшем будущем. Жизнь, как казалось Кондрату, только-только начала налаживаться, да странная выходка Рубцова нарушила все планы. Было еще

одно обстоятельство, ломающее плавные линии запланированного будущего, но Кондрат Иванович предпочел забыть то, что исправить невозможно.

Ссора разгорелась из-за пустяка и обиднее всего, что разгорелась она во время завтрака, угрожая испортить настроение на весь день.

– Еще более ужасные события? – возмущенно взвизгнула дама в лиственном мантио, выстрелив взглядом в Кондрата Ивановича. – Еще *более*, вы сказали?

Иногда Кондрату хотелось спровадить Ларису Макарьевну Сопшину-Мазурко ко всем чертям или хотя бы заставить замолчать. Пока Икона мечтал о тишине, Лариса Макарьевна, сидевшая за столом слева от Гальтского, продолжала звонко верещать барону в ухо.

– Ты слышал, Рома? Он сказал...

От волнения у Ларисы перехватило дух, и она поперхнулась.

Крупная дама средних лет с белым лицом, аккуратно уложенными в сложную прическу темными волосами, она могла бы смотреться королевой, но нервный, тонкий голосок, мешал образу состояться.

Однажды даже барон, обладающий поистине ангельским терпением, утратил выдержку, и шепнул Кондрату: «Когда-то, давным-давно, я полюбил ее с первого взгляда, а раз-

любил с первого слова. Хорошо еще Ларочка не догадывается о моем мимолетном чувстве к ней. Вообрази, чего бы оно мне сейчас стоило. Мы остались добрыми друзьями».

Лариса прокашлялась и возобновила монолог, но более спокойно:

– Слышали? Нам здесь для полноты ощущений пригонят табун сумасшедших спиритистов. Отлично! Ну, скажи свое слово, Рома! – «добрая подруга» требовательно посмотрела на седовласого мужчину. – Ты же хозяин, в конце концов.

Роман Владимирович – полноватый, невысокого роста пожилой мужчина с мягкими, несколько размытыми чертами лица, вздохнул, и неуверенно, словно оправдываясь, проговорил:

– Ну, во-первых: спиритисток только две... штуки. Согласись, Лариса, количество скромное. Во-вторых: я не вижу ничего ужасного, если мы пригласим гостей. Я люблю людей, новые лица, свежие новости, а в моем возрасте все это дефицит.

– Ну, если в качестве гостей, – задумалась Лариса Макарьевна и через секунду нахмурилась: – Спиритист-ки?

Теперь помимо возмущения в глазах Сопшиной-Мазурко сквозило непонимание.

– Женщины? – уточнила она, словно не веря своим ушам. – Сомнительная идея. Послушаем, что скажет Аделаида... хм... Денисовна. У нее, как у будущей хозяйки дома, наверное, должно быть свое мнение. Я очень надеюсь на ее

рассудок.

Молодая особа, сидевшая справа от Романа Владимировича, едва заметно улыбнулась. За завтраком она молчала, не притрагивалась к еде, только брезгливо морщилась и отворачивалась от Ларисы. Иногда она бросала задумчивые взгляды то на Кондрата, то на Романа Владимировича, но в разговор не вступала. Казалось, Ларин визг вымотал Аделаиду, выпивая все краски с лица; ее бледность начала немного отдавать синевой.

– Надеяться вы можете, только не думайте манипулировать мной, – спокойно ответила она хорошо поставленным голосом. – Да, признаюсь, ни в какие проклятия и ни в какого дьяка я не верю.

«Спиритистки, – усмехнулась про себя Аделаида. – По-моему, всем понятно, что они представляют собой на самом деле. Стоило ли так грубо маскировать намерения? Впрочем, иного ждать от Ларисы напрасно. Ясно – ее работа, результат взбалмошности. Неприятно. Ай, переживу! Главное – пережить глупые интриги».

«Спиритистки? – размышляла Сопшина-Мазурко. – Прекрасно! Ах, хитрец наш Роман Владимирович! Он абсолютно прав, поручив такое скользкое дельце женщинам. Да, да, он прав. Мужчины могут поддаться чарам Аделаидки и проиграть. А женщина способна увидеть то, что скрыто от мужчины – хитрость и коварство другой женщины. Да, спиритистки, вполне подходящий выбор. Ай, Рома, молодец! Все

так ловко устроил. Я очень рада. Ваш выход, Лариса Макарьевна! Главное – правильно использовать ситуацию».

«Этого следовало ожидать, – вздохнул Роман Владимирович и закрыл глаза. – Это естественно. Смерть Рубцова – дело серьезное. Странно, я никогда не видел в нашем Дворянском Собрании Десяти женщин. Впрочем, мало ли чего я там еще не видел или не должен видеть. Почему в Собрании решили действовать через Кондрата? Проще было бы обратиться ко мне, напрямую. Неважно! Пусть расследуют, исследуют – делают все необходимое. Моя задача – держаться естественно и не ударить в грязь лицом. В Собрании грязной физиономии не потерпят».

«Не понимаю, – думал Кондрат, – когда, при каких обстоятельствах Андрик свел знакомство с Линой? Почему она промолчала? Конечно, все придумал Андрей, а Линочка исполнила. Придумать трюк со спиритистками немного наивно, но вполне в духе мальчишки. Ловкий парень! Молодец! Я за истину, мне все равно, кто назовет имя убийцы. Меня очень волнует другой вопрос: кто будет расплачиваться? Вероятно, я. Интересно чем? Эх, Андрик, Андрик, в какое неловкое положение ты меня поставил. Ладно, выберу время и объяснюсь с приезжими барышнями. Денег лишних у меня нет, а богатства, обещанные Рубцовым Андрику – сказки. Ни то странно, что Лина поверила мальчику, странно, что спиритистки поверили Лине. Главное – правильно объяснить».

«Главное – пережить», – Аделаида встала из-за стола и,

подойдя к окну, приоткрыла форточку.

Кондрат Иванович смотрел насупясь. Густая копна черных с проседью волос, черные с рыжиной брови и темные, точно омуты глаза, делали его пугающим и привлекательным одновременно. Он был похож на древнего языческого бога. Его взгляд светлел, а лицо озарялось улыбкой при виде любого живого существа, кроме человека.

Однажды Аделаида поделилась своим впечатлением о Кондрате с Гальтским. Сначала барон долго смеялся, а потом задумался.

«Твоя правда, Аделаида Денисовна. Я уважаю, даже робею перед ним. Он, ты это верно подметила, прекрасен и страшен. Задумай грозный славянский бог ходить по земле, он стал бы... ветеринаром».

Занятный тогда получился разговор: глупый, но по душам.

Аделаида сделала два глубоких вдоха и продолжила:

– Но я должна заметить: в последнее время стали происходить весьма неприятные события. Если появление здесь спиритистов, спиритисток, шаманов, заклинателей поможет разъяснить ситуацию, то глупо отказываться от помощи. Боже, как здесь душно. – Аделаида пошатнулась и едва удержалась на ногах. Подскочивший Кондрат успел поддержать ее.

– Должно быть, от печного жара, – все так же спокойно проговорила Аделаида, благодарно улыбнувшись Кондрату Ивановичу. – Я, пожалуй, присяду.

– Какой жар? – возмутилась Лариса Макарьевна, плотнее укутываясь в лисье манто. – Здесь холод собачий. Голландку топили приблизительно в четыре утра, она давно уже остыла. Просто удивительно, как за три дня промерзания до костей я все еще обхожусь без постельного режима. Уверена, скоро слягу с воспалением всего организма.

Лариса была права: единственный способ отопления, голландка, не слишком хорошо справлялась со своей задачей. Во всяком случае, та часть печки, что выходила на второй этаж, оставляла комнаты Лары, Дели и Кондрата прохладными.

Все попытки Ларисы Макарьевны уговорить Романа Владимировича установить электрический котел, непременно натыкались на глухую стену непонимания со стороны барона и активный протест Иконы, чье ретроградство граничило с безрассудством. «Это история, ее необходимо сохранить», – вторил дядюшке несносный мальчишка, его племянник.

– Мы не можем топить слишком часто, – прогудел Кондрат Иванович. – Дрова необходимо приберечь на зиму, а деньги мы вынуждены экономить. А в вашей городской квартире, должно быть, уютно, тепло – рай земной.

– Деньги, деньги, – поежилась Лариса, пропустив «тонкий намек» мимо ушей и, обращаясь к более приятному для нее собеседнику, заметила. – Когда-то у тебя, Роман Владимирович, все было по-другому; и деньги были, пока твой биз-

нес не прогорел... Пока ты не приобрел этот ужасный дом вместе с необязательными знакомствами, — она покосилась на Кондрата, а затем на Аделаиду. — Я имею в виду Рубцова.

— Все началось по-другому, — возразил Кондрат, — с того момента, как проклятая книга дядка Лютого попала в руки Романа Владимировича. Вот тогда-то и бизнес прогорел, и деньги вышли, и много чего за прошедшие десять лет случилось.

Первым о мистической связи книги со всеми бедами барона заговорил Андрик. Племянник Кондрата был уверен: никому из окружения Гальтского не удастся избежать беды. Все мечты, все стремления превратятся в пустоту, цели окажутся недостижимыми, потеряется смысл, счастье станет невозможным. Приняв фамилию, Гальтский обрек себя, и тех, кто рядом на безуспешную войну с проклятием. Андрик говорил: «Мы лишились права, данного нам от рождения — быть собой».

Парнишка так увлекся предметом заклятий и проклятий, что заставил поверить в них своего дядю. Настроение взрослого серьезного человека передалось и другим членам тесного сообщества. Только Аделаиде еще удавалось придерживаться границ здравого смысла, но и она постепенно сдавалась перед натиском обстоятельств. Атмосфера, царившая в доме после гибели Рубцова, действовала угнетающе, отягощая душу и омрачая мысли.

Нечаянное упоминание о книге заставило всех вздрогнуть

и испуганно оглянуться на скрипнувшую дверь, словно оттуда вот-вот должен был появиться грозный призрак дьяка Лютого. Барон замер. Ледяные змейки ужаса скользнули по волосам, обвились вокруг шеи, мешая дышать. Аделаида Денисовна первая пришла в себя:

– Сквозняк, – сказала она. – К сожалению, я не застала начало событий и не могу похвастаться столь долгим знакомством с Романом Владимировичем, как Кондрат Иванович и Лариса Макарьевна, однако...

– Конечно, – скривив губы, прервала Аделаиду Лариса Макарьевна. Она смотрела на невесту барона с презрительным прищуром, словно спрашивая, что барон нашел привлекательного в тридцатитрехлетней, мужиковатой особе? Неужели мужчин привлекают двухметровые женщины из бывших или неудавшихся баскетболисток? Неужели можно считать красивой эту ужасную стрижку, делающую голову похожей на раздувшегося от ярости ежа? Или, возможно, мужчинам нравятся металлические голоса завучей сельских школ?

– Однако, и впрямь, кажется, прохладно. – Аделаида перехватила взгляд Ларисы и отвела глаза. Она старалась избежать скандала, ей хватало эмоций без истерик Ларисы.

Кондрат плотнее закрыл форточку и прикоснулся ладонью к округлому боку голландки.

– Чуть теплая, – уныло произнес он.

Роман Владимирович смотрел остекленевшими глазами

в угол, где лежали три полена, приготовленные на завтрашний день, и почерневшая от сажи кочерга.

– Может быть, хоть одно поленце? – хныкающим голосом попросила Лариса Макарьевна.

– А, может быть, и не одно, – неожиданно для всех поддержал Ларису Кондрат.

– А, может быть, и не только поленца, – задумчиво сказала Аделаида.

– Вы с ума сошли? Опять старая песня? Сколько можно говорить об одном? – Роман Владимирович в ужасе схватился за щеку, точно у него внезапно разболелся зуб. – Вы предлагаете сжечь книгу? Вы с ума сошли! Это же подарок друга...

– Хорош друг! – взвизгнула Лариса Макарьевна. – Подарил такую жуть. Все эти годы он спокойно смотрел, как твои дела приходят в упадок, а сам радовался.

– Ну...

Слова Ларисы Макарьевны разбудили убаюканные дружбой с Рубцовым сомнения. Роман Владимирович и сам не раз задавался вопросом, зачем Сергей преподнес ему книгу? Отчего так легко уступил дорогой душе коллекционера раритет? Зная о пристрастиях Рубцова к старине, особенно малоизученным, и тем более, неизученным источникам, невозможно поверить, будто этот человек так просто расстался с полученным в наследство единичным экземпляром своей коллекции. Какие цели он преследовал?

Роман Владимирович опасался прямым вопросом задеть чувства Рубцова и подступался к теме деликатно, с дипломатической тонкостью, напуская тумана, размывая смысл. Сергей либо молчал, либо пожимал плечами, считая ответ очевидным или необязательным.

Однажды, еще при жизни Рубцова, но, разумеется, в его отсутствии, Лариса Макарьевна завела ту же пластинку: «Зачем он подарил такую жуть? Почему желает тебе несчастий? В твоём возрасте вредно терпеть нахальство молодости. Когда все закончится?».

Андрик, сидевший в чулане и тайно лакомящийся вишневым вареньем, припасенным Ларисой Макарьевной для вечерних чаепитий, услышал разговор и вошел в комнату. На мальчика никто не обратил внимания. Когда он заговорил, на него посмотрели удивленно и встревожено, хотя Андрей всего лишь процитировал надпись на книге: «Передано ученику моему Дм. Гальтскому. Вручено ему по прибытию в Ф... С почтением к даровитой юности, Лютый Дьяк».

Андрей, копируя Рубцова, нервно передернул плечами и пояснил недоумевающему собранию: «Поскольку вы, Роман Владимирович, являетесь прямым потомком Дмитрия Гальтского, значит, книга – ваша». Резко развернувшись, он изобразил танцевальное «па», и довольно дерзко спросил, обращаясь к Ларисе Макарьевне:

«Что вас еще интересует, мадам? Кажется, вы просили пояснить, отчего Рубцов желает зла Роману Владимировичу? –

Андрик театрально развел руки в стороны, распахнул глаза, выпятил нижнюю губу, всем своим видом демонстрируя крайнюю степень недоумения. – Странная постановка вопроса. Рубцов вернул хранившийся у него, но не принадлежавший ему предмет. Кажется, еще вы интересовались концентрацией неприятностей и временем их распада? Так вот: покуда книга не будет вручена тому, кому назначена в дар, покоя ждать – напрасный труд».

«Это Рубцов сказал?» – Лариса Макарьевна обиженно фыркнула.

«Это я говорю». – Андрик смотрел внимательно и серьезно.

Аделаида Денисовна подошла к Андрею, присела на стул и взяла его руки в свои.

«Ты действительно так думаешь? – спросила она спокойным ровным тоном. – Ты ведь не намереваешься испугать нас до смерти ради любопытства?»

«Вас, конечно, нет, – улыбнулся мальчик и, осторожно высвободив руки, смущенно спрятал их за спину.

«Но как мы выполним требование?»

«Не знаю, – признался Андрей уже без всякой сценической наигранности. – Дмитрий Гальтский умер в тысяча восемьсот девяносто девятом году, если верить надписи на надгробье. На момент смерти ему было пятьдесят девять лет. Почему Лютый не передал ему книгу, если была возможность – неизвестно. Зачем, какими путями она оказалась

в семье Рубцовых – тайна».

Из мира воспоминаний Гальтского выдернул звонкий голос Ларисы:

– Друг называется! Таких друзей...

– Сережа не желал мне зла, – твердо ответил Роман Владимирович. – Он просто не знал о моих проблемах. Он бы непременно помог. Сергей был человеком великодушным. Не надо говорить о нем плохо... Не принято так о покойниках. А от тебя, Кондрат, я такого совсем не ожидал. Рубцов к тебе всегда очень хорошо относился, а ты...

– Может быть, – зарокотал Кондрат Иванович. – Но подарок это не сам человек, от подарка я предпочел бы избавиться.

– Тем более, Рубцов теперь вряд ли обидится. – Аделаида Денисовна смотрела в окно, тихо и задумчиво улыбаясь.

– Вот, как мы поступим, – Роман Владимирович поднялся, оглядывая всех строгим, спокойным, без тени нервозности, взглядом. – Забудем этот разговор. Я не могу всерьез принять ваше предложение. Намереваюсь считать его шуткой.

В угрюмых лицах собеседников Гальтский прочитал протест.

– Упрямы, – он укоризненно покачал головой. – Нельзя же во всех несчастьях обвинять обычный предмет. Неужели вы думаете откупиться от бед сожжением единственного экземпляра ценной книги? Нет, мои хорошие, боюсь, таким

способом нам не решить проблем.

– Реши другим! – воскликнула Лариса Макарьевна и повелительно топнула ножкой. – Я предлагаю избавиться от жути навсегда самым решительным образом.

Гальтский погрозил пальцем и улыбнулся.

– Нет, Ларочка, нельзя уподобляться варварам даже при таких обстоятельствах. Книга бесценна.

– Все имеет цену, – вмешалась Аделаида. – Я предлагаю ее продать. Мне кажется, она заинтересует коллекционеров или историков.

– Продать подарок? – удивился барон. – Нет, подобное предосудительно.

– Напрасно. Деньги не помешали бы в хозяйстве, – хмыкнула Лариса Макарьевна. Осознав, что вдруг оказалась на стороне Аделаиды, тут же внесла свое предложение: – Предлагаю подарить музею. Пусть там лежит.

Кондрат нахмурился, опустил голову и заговорил, лишь почувствовав вопросительные взгляды.

– А перестанут ли действовать проклятия? – прогудел он. – Если механизм уже запущен? Отдав источник в другие руки, мы рискуем навлечь беды на совершенно незнакомых людей, да и свои вряд ли отменим или отсрочим. В довершении всего, лишимся шанса исправить ситуацию. Не лучше ли держать книгу там, откуда ее можно в любой момент изъять, в случае необходимости?

Немного помолчав, выдержав глубокомысленную паузу,

все одобрительно кивнули.

– Мы зароем ее в саду, – заявила Лариса Макарьевна. Она решительно встала, намереваясь приступить к осуществлению плана немедленно.

– Нет, нет, – сказал Гальтский. – Ничего мы не будем закапывать, зарывать, хоронить. Я обещаю исполнить все наилучшим образом. Дайте только время.

– Как раз, со временем у нас туго, – угрюмо пробурчал Кондрат.

Барон весело рассмеялся:

– Кондрат, голубчик, позволь хотя бы кофе допить.

Насладившись ароматным напитком, Роман Владимирович, медленно прошелся по комнате, разминая ноги и, хитро поглядывая на застывшую в ожидании компанию.

– Поверьте, друзья мои, я придумал забавный тайник. Он сможет обмануть все проклятия. Доверяете ли вы мне?

– Доверяем, доверяем, – быстро проговорила Лариса Макарьевна, давая понять – срок рассуждений истек.

Барон улыбнулся и подмигнул Кондрату. Но, как только Гальтский перешагнул порог, улыбка исчезла, оставляя на лице тень тревоги.

«Разговор за столом получился крайне мрачным, – думал он. – Сплошные нервы. Так язву можно заработать. Вот, пожалуйста, уже легкое недомогание наблюдается. Как они на-

кинулись на книгу! Взрослые люди, а ведут себя, как дети».

Гальтский не испытывал большой симпатии к подарку Рубцова, но при жизни дарителя избавиться от него не посмел. А сейчас, при странно сложенных обстоятельствах, об уничтожении или удалении книги не могло быть и речи. Отдать дань малодушию, признаться в суеверном страхе – позор, бесчестие. Разве не трусость худшее из всех зол? Необходимо запрятать книгу под замок, а ключ спрятать.

«Да, именно так. Если кто-то и скажет, мол, Гальтский-то трусил, так честно признаюсь: простите великодушно, господа, осторожность никогда не бывает напрасной. Хорошо геройствовать, рискуя одним собой, а вокруг меня люди... А мысли, однако, дурные, нервные, тесные. – Роман Владимирович остановился и болезненно поморщился. – Неужели, впрямь язва? Ну, полно тебе, Роман, нудить. Что ты, право слово? Сделай дело, а после болей на здоровье».

Гальтский еще раз повторил про себя нелепую фразу, усмехнулся и пошел вверх по лестнице в библиотеку.

Это было большое помещение, выходившее окнами в сад. От окон к центру комнаты тянулись стеллажи, вдоль стен стояли громоздкие шкафы, обитые плотной тканью, давно потерявшей свой изначальный цвет. В углу, притиснувшись вплотную к шкафу, притулился высокий узкий ларь, при необходимости служивший столиком для писем.

Барон любил книги и мог засиживаться в библиотеке с утра до вечера, листая страницы, размышляя над судьбами

людей, вспоминая сюжеты своей жизни, большая часть которой уже скрылась за шторой лет. Иногда ему казалось, будто прошлое возвращается: такими яркими и зримыми являлись ему картины памяти.

«Старость приближает прошлое и удаляет будущее, – сказал однажды Рубцов. – Мы должны бояться делать подлость, иначе рискуем очень скоро встретиться с ней лицом к лицу».

Здесь, среди книг, в окружении воспоминаний, Роман Владимирович чувствовал себя спокойно и уютно. Единственное, чего барон побаивался – это удушливой тоски, сжимающей сердце всякий раз, когда он поворачивался к окну и видел торчащие из земли фрагменты бывшего особняка Гальтских. Они напоминали старинные покосившиеся надгробья на заросшем кладбище. Впечатление усилилось, когда Рубцов привез в сад два «всамделишных», по словам Андрика, ритуальных памятника. Один из них был «временно экспроприирован» с могилы старика Гальтского, отца последнего барона, Дмитрия, другой принадлежал управляющему имением Александру Иконе, прадеду или прапрадеду Кондрата; эту тонкость знал Андрик, а Кондрат Иванович мало обращал внимания на детали, не относящиеся к реальной жизни.

«Для реставрации», – коротко пояснил Рубцов. Надо ли говорить, что такой гость приносил множество хлопот и далеко не всегда приятных забот, позволяя себе слишком много вольностей? Намерения свои он держал при себе, а, при-

няв решение, ставил хозяина перед фактом, считая обсуждения излишними.

Роман Владимирович редко перечил своевольному гостю, но взятые с могил и установленные в саду печальные ангелы вызвали бурю протеста. Впрочем, он не решился высказать претензии вслух. Обида вскоре простилась, а после гибели Рубцова растаяла вовсе, а два надгробья так и остались в саду.

Приходя в библиотеку, Роман Владимирович первым делом опускал жалюзи, загораживаясь от макабрического пейзажа, созданного временем и капризом Рубцова. Так же поступала и Лариса Макарьевна, забежавшая в книжную комнату перевести дух после очередной перепалки с Аделаидой.

Аделаида, Андрик и Кондрат с завидным хладнокровием всегда поднимали реечные шторы к самому потолку. Для Андрика и его дяди мрачная запущенность сада были делом привычки. Аделаида считала себе слишком практичной женщиной: она не одобряла «дикую выходку безумца Рубцова», но удерживалась от критики, осознавая себя пока еще только гостьей.

Прошло пятнадцать минут томительного ожидания.

– Видимо, далеко прячет, – сказал Кондрат Иванович, нарушив молчание.

– Что он задумал? – с тревогой произнесла Лариса Макарьевна. – О каком тайнике говорил?

– Думаю, Роман Владимирович намекал на старый ларь,

сколоченный моим дедом из церковных икон, – ответил Кондрат Иванович и, немного погодя, пояснил: – Не глумления ради, а для спасения.

– Я пойду и потороплю его, – предложила Аделаида Денисовна.

– Мы все пойдем, – решила Лариса.

Поднявшись на второй этаж, они тут же слышали глухие стоны. Первой в библиотеку ворвалась Лариса Макарьевна. Ее громкий вопль, срывающийся, переходящий в стенания, непременно переполошил бы всю деревню, останься в ней люди:

– Уби-и-и-и-ли!

Гальтский лежал на полу, у книжного шкафа, скорчившись, словно дите в утробе матери. От крика Ларисы барон конвульсивно дернул головой и застонал. Он попытался подняться, упал и неловко перекатился с боку на бок.

– Скорую! – скомандовала Аделаида. – Кондрат Иванович, уложите Романа Владимировича на диван, а я...

Роман Владимирович открыл глаза. Его взгляд был затуманен переживаемой болью и страхом.

– Не надо врача, – чуть слышно просипел он. – Нельзя врача. Кондрат сам... Ой, Кондрат, скажи им, чтобы ушли. Мне дурно. Уйдите!

Кондрат Иванович без церемоний вытолкнул из комнаты взволнованных женщин, пообещав справиться с недугом барона без посторонней помощи. Кондрат не сомневался в ди-

агнозе – отравление.

Вернувшись в комнату, служившую и гостиной, и столовой, а по заведенному определению – в переднюю, Лариса Макарьевна опустилась в старое кресло, задвинутое в угол, и заплакала. Она закрыла лицо ладонями, будто желая утаить от равнодушной Аделаиды свои горькие слезы.

Случай с бароном произвел на Аделаиду Денисовну не меньшее впечатление, но она мужественно сдерживала эмоции и старательно отводила взгляд от кресла, где сидела Лариса.

Прошел час или полтора. Из угла комнаты доносились вхохочущие звуки. Все это время Аделаида молча выслушивала слезливые упрёки в свой адрес и, отвернувшись к окну, ощипывала листья герани.

Гальтский ошибался, полагая, что Лариса не догадывалась о мимолетной влюбленности в нее барона. Женщина неглупая и наблюдательная, она точно угадала момент вспышки чувства и момент угасания – исход прогнозируемый. Она готовилась к подобному развитию событий, поэтому восприняла роковой удар мужественно. Лариса Макарьевна прекрасно понимала: в любви зрелость, со всей своей мудростью и жизненным опытом, всегда проигрывает первый бой с молодостью. Но первый бой, как известно, не исход всей битвы.

К тому же, Лариса очень любила порисоваться, а для это-

го просто необходима маленькая любовная драма, придающая одинокой женщине уважаемого возраста шарм загадочности.

В смерти Рубцова, отсрочившей день свадьбы Романа с Аделаидой, Лариса распознала намек судьбы на благоприятный шанс. Ей до смерти хотелось стать баронессой и носить титул, как носят роскошные меха – с достоинством, без крайностей дешевого пафоса и напускной скромности. Теперь наступило время, назначенное судьбой.

– Нельзя, – всхлипнула Сопшина-Мазурко, – нельзя быть такой безучастной! Надо звонить в скорую. Он может умереть. У него уже пена изо рта пошла... Пока мы тут ждем, Роман может... – Лариса Макарьевна не выдержала душевного напряжения и громко разрыдалась.

– Я вас уверяю: все будет в порядке, – холодно ответила Аделаида, с нетерпением глядя на дверь, за которой слышались шаги.

– Какая жестокость, – запричитала Лариса. – Будь я на твоём месте...

– Кондрат! – Аделаида бросилась к вошедшему, но на половине пути остановилась и уже более спокойно спросила: – Кондрат Иванович, что с Романом Владимировичем? Ему лучше?

– Все в порядке. День-два он еще будет чувствовать слабость. В его возрасте любой резко возникший сбой в организме влечет за собой долгий восстановительный период.

Сейчас он уснул. Повременим его тревожить. Кстати, вот книга.

Кондрат положил странный, похожий на большой плоский камень фолиант на край стола.

– Гадость! Сжечь! – взвизгнула Лариса Макарьевна. – Немедленно!

То ли под воздействием вибраций голоса, то ли от неловкого взмаха руки Кондрата, проклятая книга дядка Лютого тяжело шлепнулась на пол и, ударившись корешком, раскрылась.

На желтой странице крупным, витиеватым почерком было написано:

«Позор разорения падет на голову детей ваших, посмевавшихся предстать великими. Накопленное трудами праведными уйдет водой в песок, едва коснутся они имени светлого».

– Сжечь! – крикнула Лариса.

– Подождите, – Аделаида подняла книгу и снова положила ее на стол. – Странная фраза. Это, насколько я понимаю, первое проклятие, поскольку с него, собственно, и начинается содержание.

Кондрат кивнул:

– Если подумать, то проклятие сбылось. До того, как Роман Владимирович принял родовую фамилию, дела его, как мне говорили, шли очень даже неплохо. И вдруг всё переменялось: финансовые успехи превращались в неудачи, а долги заметно удваивались – он разорился.

– Сжечь!

– Да подождите вы! – прикрикнула Аделаида.

Лариса Макарьевна посмотрела на нее удивленно. Кондрат перевернул страницу.

– «И пострадает преданный тебе первым, – прочел Кондрат. – И пострадает тот, кто приближен будет к преданным тебе».

– Как вы считаете, Кондрат Иванович, о чем это? – Аделаида, преодолевая легкий трепет, прикоснулась к странице.

– О собаках, – пожал плечами Кондрат. – Здесь же четко определено «преданный тебе». Помните, они отравились. Симптомы упрямее фактов. Я хорошо знаю...

– Какие собаки? – всплеснула руками Лариса Макарьевна. – Мы говорим о человеке, о Романе Владимировиче.

– А я думаю, речь идет о Рубцове, – нетерпеливо перебила Аделаида. – Я понимаю, Кондрат Иванович, вы не жалуете людей, не находите их достойными эпитета «преданный», но по-моему, Рубцов был хорошим другом Роману Владимировичу и пострадал гораздо сильнее, чем собаки.

– Тьфу ты, пропасть! – Лариса Макарьевна выкарабкалась из низкого, проваленного до самого пола, кресла и пересела на стул. – Как, – объясните мне! – книга, написанная сто с лишним лет назад, каким-то сумасшедшим дьяком, может угадывать события, происходящие в наше время? Как? Ладно, книга может: на то она и проклятая. Допустим! Тогда, какого черта вы заладили: собаки, Рубцов, Рубцов, собаки?

Кто вам вообще сказал, что проклятие, сбывшись, перестает действовать? Оно имеет полное право вступать в содружество с другими, следующими по списку проклятиями.

Кондрат и Аделаида переглянулись.

– Верно, – сказал Кондрат Иванович.

Аделаида промолчала. Ей вспомнилась одна из бесед с Андриком. Невеста барона была, пожалуй, единственным человеком, способным без удивления или унижительного умиления выслушивать почти взрослые, и уже потому казавшиеся многим странными, размышления мальчика. Этим она расположила к себе паренька, он мог доверить Аделаиде то, о чем предпочитал молчать даже в присутствии родного дяди.

«Я полагаю, призрак дьяка реально существует, – сказал однажды Андрик.

«Призрак и реальность – разные понятия», – ответила Аделаида.

«Не думаю. У реальности множество толкований, не все из них нам известны. Призрак вовсе не обязан повторять образы, порожденные нашей убогой фантазией. Он не подписывал правил, диктующих всем призракам иметь обязательно зримый для нашего восприятия облик или узнаваемую форму. Мысль, до момента физического воплощения, не имеет формы, но именно мысль порождает то, что зримо».

Аделаиде нравился Андрик. Он умел заинтересовать, воз-

мутить, смутить, запутать; он заставлял думать и задавать вопросы.

«Мысль принадлежит человеку. Ты считаешь нашего призрака мыслящим?»

«Сам призрак – мысль. Мысль, не нашедшая воплощения при жизни человека, в чьей голове она возникла. Теперь заблудившаяся мысль ищет другую форму».

«Другую голову?» – Аделаида Денисовна старательно пыталась вникнуть в суть беседы.

«Можно и так сказать, – согласился мальчик. – Но, видите ли, мертвая мысль никогда не будет иметь настоящего воплощения. Она способна вдохновить на дела, но что-то сделать сама по себе – нет. Например, если некоего Васю Пупкина постоянно донимают музыкальные мысли Моцарта, то, возможно, при известных усилиях, Вася станет музыкантом. Но ему никогда не стать великим Моцартом».

«А если он гениален?» – рассмеялась Аделаида.

«Он создаст свой шедевр и станет великим Пупкиным».

«Андрик, причем здесь Моцарт?»

«Он не при делах вовсе. Наш призрак совершенно не виновен».

«Я не понимаю тебя, Андрей, – призналась Аделаида. – Ты мог бы объяснить чуть проще?»

«Наверное. Я должен подумать. У вас есть время?»

«Конечно».

Андрик посмотрел на нее и широко улыбнулся.

«А вы славная. Если проще, то выглядеть это может примерно так: призрак дядя, не будучи мыслящей материей, да и материей вообще, мстит за обиды, нанесенные во времена, далекие от нас и наших воспоминаний. Действиями призрака руководит эмоция, преобладавшая в душе некогда живого человека. Ничего ужасного, если последней сильнейшей эмоцией не был страх или ненависть».

«Ты говоришь о мести, насколько я могу понять?»

«Не более чем предположение. Допустим, между предком Романа Владимировича, Дмитрием Гальтским, и Лютым произошла размолвка, то есть, возникло чувство, находящееся вне пределов дружбы. Тогда мы можем объяснить, почему книга, назначенная в дар Дмитрию, ему не досталась».

«Но какое отношение к возможной ссоре имеет Роман Владимирович? Почему он должен пожинать плоды давнего раздора?»

«Он носит фамилию обидчика по праву крови. Кто знает: возможно, мертвый не способен мстить мертвому. Возможно, дух Лютого не знает смены поколений, не ведет счет времени, не узнает лиц, ориентируется только на запах крови, родственной крови обидчика. Мсть слепа. Соприкоснувшись с книгой, содержавшей часть души Лютого, Роман Владимирович разбудил дремавшее зло и запустил механизм проклятия рода».

«Андрей, фантазии заманчивы, – улыбнулась Аделаида. Она хотела погладить мальчишку по голове, но одернула ру-

ку. Подобный жест мог обидеть собеседника. – Призраки? Андрей, тебе ли верить в предрассудки? Призраков не существует».

Андрик усмехнулся.

«Отрицая или соглашаясь, мы руководствуемся своим жизненным опытом, своими воззрениями, знаниями, полученными в качестве науки или наставлений от других. Довольно странное явление: мы доверяем несовершенным суждениям, а правильное было бы им не доверять. Человек не обладает остротой зрения, точностью слуха, он не может видеть атом, не может слышать ультразвук, он не способен заглянуть в свой завтрашний день, постичь бесконечность, однако уверенно оперирует такими понятиями, как „когда и тогда“, „никогда-навсегда“, „может и не может“. Категоричность – одно из проявлений недомыслия».

«Андрик, ты меня пугаешь», – призналась Аделаида.

«Наверное, – мрачно согласился мальчик. – Ваш личный опыт твердит вам: дети не должны так разговаривать. Вас научили тому, что детская речь построена по-иному, она окрашена эмоциями и лишена аналитики. Но вы видите меня и слышите. Как мириться с такой странностью? Вам придется признать один из немногих вариантов: либо вы слышите не то, что я говорю, либо я не ребенок. Но я существую вне зависимости от ваших воззрений, опыта и желаний видеть привычное вам. Так же могут существовать призраки».

«Существовать? – Аделаида сделала слабую попытку по-

спорить с мальчиком. – Призраки не могут существовать. Взаимоисключение».

«Это не исключение, а слова, имеющие смысл в живом мире. Только в живом, но не там, где...»

«Предположим, предположим, – поторопилась согласиться Аделаида. – Есть идеи?»

«Пока нет. Мы не выяснили причину ярости Лютого, а, значит, не можем ее устранить. Наша единственная зацепка – памятник с могилы старшего Гальтского. Так говорит дядя Сережа. Он хочет добраться до сути».

«До чего? – Аделаида почувствовала холодок, пробежавший по спине. – До чего он хочет добраться?»

Андрик, как показалось Аделаиде Денисовне, смутился и неуверенно пояснил:

«Дядя Сережа обнаружил надписи на камнях, но прочесть их сейчас не представляется возможным: время разрушительно».

«Андрей, я слышала, Дмитрий Гальтский умер в Феодосии».

«Дмитрий? Нет, смерть застигла его за границей, но похожен барон на нашем кладбище. Я знаю точно. В Феодосию он уехал из Полончаков, будучи еще совсем молодым, а сюда его перевезли для последнего упокоения. Но дядю Сережу не интересует могила барона Дмитрия. Куда интереснее захоронение старого Гальтского, папеньки Дмитрия... То есть, я хотел сказать, надгробье представляет интерес».

«Понятно. Откуда у Рубцова проклятая книга?»

«Она была в их семье еще до рождения дядя Сережи. С нее-то, собственно, началось его увлечение историей. Не думайте о нем плохо: Рубцов понятия не имел о последствиях дарения. Он просто исполнил волю Лютого, как исполняют завещанное».

Вернувшись из мира воспоминаний, Аделаида увидела склонившегося над книгой Кондрата. Он хмурился и морщился, пытаясь вникнуть в смысл предначертаний.

Лариса Макарьевна стояла рядом с Кондратом Ивановичем и нервно теребила лисье манто.

– Прекратите уже гипнотизировать книгу, – зло прошептала она. – Читайте вслух! Мы должны знать, к чему готовиться.

Икона нахмурился, что-то проворчал и медленно, против своего желания, прочитал:

– «Страшный кормчий, зря и видя корчи тела вашего, откроется оку вашему и улыбнется вам, и поманит вас. И страдания ваши столь велики, что рады вы кормчему так, как радуются истязаемые жаждою и голодом мору пришедшему, ибо это избави от жажды и глада».

– «Корчи тела». Напоминает сегодняшний случай с Романом, – прищурившись, заметила Лариса Макарьевна и мрачно добавила: – Книга довольно толстая, в ней проклятий ни на одну сотню лет хватит. Хотя, смотря с какой частотой они будут воплощаться... Я изменила свое решение о сожжении

книги.

Кондрат смотрел на Ларису с изумлением и, кажется, ловил каждое слово. Оказывается, когда Лариса не вопит, то голос у нее становится довольно приятным.

– Да, – согласилась Аделаида, – книгу необходимо изучить и, думаю, лучше всего с поставленной задачей справятся люди, уже имевшие знакомство с подобными делами. Я продолжаю сомневаться в проклятиях, однако, консультация с представителями э-э-э... этой дисциплины, будем так говорить, может оказать нам существенную помощь. Во всяком случае, не окажется лишней. Продолжите, пожалуйста, Кондрат Иванович.

– «И не спастись от возмездия за грехи ваши ни вам, ни преданным вам. Острой... Здесь страница истлела, слово потерялось, – пояснил Кондрат и быстро дочитал фразу: – Пронзит чело ваше и в крови захлебнетесь вы».

Лариса Макарьевна устало вздохнув, присела на стул.

– Чушь какая! Разве можно пронзить чело? Это же лоб, кажется? Сердце – другое дело... но лоб? Чело можно разбить или... гадость, фу.

Невидящими глазами Кондрат Иванович уставился в окно, долго молчал, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Через некоторое время он почувствовал тяжелые вопросительные взгляды и, наконец, счел нужным дать объяснение:

– «Быстро его поражает он в бляху косматого шлема,

и пронзает чело». По-моему, это из Илиады Гомера, но я могу ошибаться. Я не помню, но, кажется, где-то читал... по-моему... или мне приснилось, или Андрик читал. Он же просто помешан на истории всякой. Так что, в принципе, чело имеет право быть пронзенным: с Гомером не поспоришь.

Очень может быть, Лариса Макарьевна поспорила бы даже с Гомером, однако грозный вид Кондрата охладил ее страсть к дискуссиям.

Еще в начале пути Марте мерещился огромный белокаменный особняк с балконами, террасами, бельведером, коринфскими колоннами и галереями. Мысленно переносилась она в большую гостиную, где на стенах, обитых расписной тканью, висели картины и портреты баронов Гальтских, в углах, скрывшись за жардиньерками, стояли ломберные столики, а в старинном зеркале, замутненном дыханием прошлого, если долго-долго вглядываться, можно было бы заметить беззвучно вальсирующие тени.

Воображение Марты легко рисовало расчищенные от опавшей листвы аллеи парка по-осеннему прозрачного и навевающего легкую дремоту даже на самую мятежную душу. Она представляла парадный вход, широкие мраморные ступени и смиренно сидящих на высоких тумбах каменных гривастых львов.

Но с каждой новой встряской автобуса, попавшего коле-

сом в очередную выбоину, романтическое восприятие вытеснялось предчувствием разочарования.

– Мы это заслужили, – безнадежно унылым тоном сказала Мартина. Она хмуро разглядывала выжженное поле сквозь запыленное еще с лета окно автобуса. – Вот ты какой, край земли.

– Пейзаж и вправду нерадостный, – согласилась Марта. Ее лирический настрой заметно угас. – Удивительно, до чего неподходящее место выбрал для жизни барон. Тут как-то поневоле начнешь верить в существование нежити.

Водитель оглянулся и что-то буркнул. Пассажиров в автобусе почти не осталось, и если бы не эти сумасшедшие дамочки, решившие на ночь глядя прокатиться до конечной, и белобрысый сорванец, болтающийся на поручне, как обезьяна на лиане, водитель давно бы уже развернул машину и успел засветло вернуться на автовокзал.

– Не понимаю вас, – задиристо откликнулся мальчишка, желая принять участие в разговоре и явно напрашиваясь на общение. – На мой взгляд, здесь просто великолепно.

Минут пять молодой человек, не умолкая, весело чирикал о том, что ему пятнадцать лет, что он мечтает разработать проект «Туристические тропы», что это очень выгодно и очевидно без всякого бизнес-плана; название проекта можно менять, но маршрут оставлять первоначальным, а проект «Русская готика» – просто вынос мозга и пополнение карманов; все уже почти готово, надо лишь отшлифовать доклад,

доработать образ гида и получить денег.

– А деньги зачем? – Марта слегка ошалела от потока информации и многословия.

Мартина закрыла глаза и хмуро слушала болтовню мальчонки, иногда раздраженно сжимая губы.

– Станный вопрос: деньги всегда нужны, – бойко чирикнул юный собеседник. – Скажем, для проекта «Русская готика» необходимо старое кладбище немного подправить. Сейчас оно просто старое, грязное и заброшенное – тоже мне, диковинка – а нужен особенный колорит запустения с пылью, но без грязи. Дом Гальтских восстановить.

Мартина открыла глаза и посмотрела на мальчишку поверх очков.

– Гальтских? – переспросила она, неожиданно заинтересовавшись разговором.

Паренек кивнул:

– Имение и вообще Малые Полончаки – клад, огромный сундук с золотыми слитками. Лежит он на виду, и...

– ... и никто его, кроме вас, не замечает, – усмехнулась Мартина.

Марта с упреком посмотрела на сестру:

– Мартина, так нельзя: он же ребенок. Ты не обижайся, дорогой, моя сестра хотела сказать, что задуманное тобой слишком сложно.

Мальчишке надоело болтаться на поручне, и, когда автобус тряхнуло на очередном ухабе, он ловко прыгнул на со-

седнее кресло и с веселым любопытством уставился на Мартину. Она равнодушно пожала плечами и отвернулась к окну.

– Послушай, дорогой, – Марта, покопавшись в сумке, достала шоколадную конфету и протянула ее пареньку, – а не знаешь ли ты чего о Гальтских, в разрезе, так сказать, твоего проекта «Русская готика»?

Отрок быстро проглотил конфету и покосился на сумку, в которой лежал пакет, наполненный конфетами в блестящих обертках.

– Когда я упомянул готику, то имел в виду вовсе не архитектурное направление проекта, а нечто иное, более сложное по восприятию. Например, Малые Полончаки. За простым названием скрывается тайна. Мы, млеем перед чужеземными загадками, чураясь собственных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.